

ИГОРЬ ЕВТИШЕНКОВ

РИМСКАЯ САГА

БИТВА ПОД КАРРАМИ

Игорь Евтищенко

Римская сага. Битва под Каррами

«Издательские решения»

Евтишенков И.

Римская сага. Битва под Каррами / И. Евтишенков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744944-5

Неожиданное несчастье вынуждает Лация покинуть Рим и присоединиться к армии Красса, с которой он участвует в битвах против парфян, возглавляемых хитрым полководцем Суреной. Даже оказавшись в Азии, Лаций не может избавиться от сомнений, которые охватывают его из-за сильной любви и необходимости сделать суровый выбор. Дружба верных товарищей, опыт предыдущих боёв и любовь загадочных красавиц помогают ему выжить, но не спасают всю армию и её командующего от страшной трагедии.

ISBN 978-5-44-744944-5

© Евтишенков И.
© Издательские решения

Содержание

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЧИТАТЕЛЯМ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Римская сага. Битва под Каррами. Том II	8
ГЛАВА ВЫНУЖДЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ	9
ГЛАВА ХИТРЫЙ КУПЕЦ ХАБУЛ	12
ГЛАВА СТЫЧКА С ЛАБИЕНОМ И СПАСЕНИЕ ЭРИНИИ	15
ГЛАВА ПАДЕНИЕ ДВУХ КРАССОВ	20
ГЛАВА БУДНИ ЛЕГИОНОВ	22
ГЛАВА РАЗВЛЕЧЕНИЯ В «ХРАМЕ ПРИАПА»	26
ГЛАВА ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ИЗ РИМА	30
ГЛАВА ЛЮБОВЬ И ОРУЖИЕ	38
ГЛАВА НЕЛЁГКИЙ ВЫБОР	43
ГЛАВА ПРОЩАНИЕ С ЭМИЛИЕЙ	47
ГЛАВА ВОЛООКАЯ ЕГИПЕТСКАЯ РАБЫНЯ С КОЖЕЙ ФИНИКОВОГО ЦВЕТА	51
ГЛАВА ЗЛОВЕЩИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ СТАРОЙ ГАДАЛКИ МАРКИЛИИ	54
ГЛАВА ТАНЕЦ КРАСАВИЦЫ	57
ГЛАВА ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ С ТХАО	60
ГЛАВА НОВОЕ РЕШЕНИЕ МАРКА КРАССА	62
ГЛАВА ПАРФЯНСКИЕ ПОСЛЫ В ЛАГЕРЕ РИМЛЯН	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Римская сага Битва под Каррами

Игорь Евтишенков

Дизайнер обложки Сергей Борисович Гусев

Корректор Ирина Юрьевна Бралкова

© Игорь Евтишенков, 2023

© Сергей Борисович Гусев, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4474-4944-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЧИТАТЕЛЯМ

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ:

КОСМЫНИНОЙ МАРИНЕ КОНСТАНТИНОВНЕ
ГУСЕВУ СЕРГЕЮ БОРИСОВИЧУ
ДЭВИДУ ХАРРИСУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея этой книги основывается на реальных исторических событиях, а также ряде исследований Дэвида Харриса и Х. Дабса, которые установили, что в I веке до н. э. на территории провинции Гуаньсу был построен город Лицзянь, что соответствует китайскому названию Рима. Такое же название встречается в списке городов, датированном 5 г. н. э. Этот город, предположительно, построили римские легионеры, которые попали в Китай после поражения армии Красса в 53 г. до н. э.

Также сведения о пленных легионерах содержатся у Плутарха в биографии Красса, где он пишет, что парфяне отправили их в город Маргиану или Мерв. Из Мерва те попали к хунну, которые проживали на территории современного Казахстана и Туркменистана. Там легионеры принимали участие в строительстве столицы хунну на реке Талас, в 15 км от современного города Джамбул. В 36 г. до н. э. этот город был разрушен китайским генералом Таном, и римляне оказались в плену в Китае.

Упоминание об этих людях есть и в «Истории ранней Хань» китайского историка Бая. В 1989 г. профессор Гуань Ицюань с исторического факультета Института национальностей, г. Ланьчжоу, представил новые карты, на которые нанёс ещё четыре города, основанных жителями Лицзяня. Согласно его топонимическим исследованиям, город Лицзянь был впоследствии переименован в Цзелу, что означает «пленники, захваченные при штурме города».

Римская сага. Битва под Каррами. Том II

Неожиданное несчастье вынуждает Лация покинуть Рим и присоединиться к армии Красса, с которым он участвует в битвах против парфянского войска, возглавляемого хитрым и расчетливым полководцем Суреной. Но его сердце осталось в Риме, покорённое самой красивой женщиной этого города. Она пытается вернуть его, но тяжёлые обвинения и отсутствие денег не позволяют Лацию принять её предложение. Оказавшись в Азии, он не может избавиться от сомнений, которые охватывают его из-за сильной любви и необходимости сделать суровый выбор. Однако реальность говорит ему о том, что возвращение в Рим и борьба за своё честное имя возможны только при помощи золота. А завоевать его можно только здесь. Советы гадалок и жрецов говорят о том, что он владеет несметными богатствами и к ним его должен привести медальон, но Лаций не верит им, считая всё это пустыми разговорами. Ему некогда думать о тайнах, которые оставили отец и юная дикарка, он должен помочь Марку Крассу добиться своей цели, чтобы самому стать богатым и самостоятельным. Столкнувшись с предательством и не в силах изменить ход событий, Лаций остаётся верен своему воинскому долгу, сражаясь даже в тех ситуациях, когда остальные прекращают сопротивление и сдаются в плен. Дружба верных товарищей, опыт предыдущих боёв и любовь загадочных красавиц даже в стане врага помогают ему выжить, но не спасают всю армию и её командующего от страшной трагедии.

© Евтишенков И. Н., 2015
www.igoryevtishenkov.com
www.theromansaga.com

ГЛАВА ВЫНУЖДЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дорога до портового города Брундизий заняла у Лация несколько дней. Корабли уже стояли в пристани, и в лагере ждали команду на погрузку. Когда он добрался до него, то сразу же направился к палатке Красса, чтобы быстрее решить свою судьбу. Повсюду чувствовалось присутствие большого количества людей: постоянно стоял шум сотен голосов, под ногами валялись огромные кучи с отбросами и воняло испражнениями. Мусор убирали, но на его месте возникали новые горы, так как корабли загружали и разгружали без остановки. В гавани толкалось невероятное количество торговцев, нищих и дешёвых женщин. Они превращали город в постоянный источник обогащения и преступности. Проезжая мимо пристани, Лаций вдруг отчётливо представил себе, что совсем скоро может оказаться одним из них. В этот момент он плыл по течению, гонимый ветрами судьбы и своими богами-покровителями, не сильно задумываясь над тем, почему совершает тот или иной поступок. Его самое заветное желание заключалось в том, чтобы добиться в Риме почёта и уважения, совершив перед этим немало военных подвигов. И вроде бы раньше Парки благоволили к нему... Но страшная роковая ночь в доме Пизонисов всё перевернула вверх дном. Кого же он мог так сильно разгневать на небесах? И почему? Отсутствие денег и оружия, подаренная Эмилией лошадь, неопределённость и досада – всё это заставляло его снова и снова прокручивать в голове события последних месяцев, но причина столь резкого поворота судьбы оставалась тайной. Приближаясь к палатке, Лаций чётко понимал, что у него нет другого выхода, кроме как присоединиться к армии Красса. Но захочет ли консул принять его? Ответить на этот вопрос было сложно. И хотя в душе Лаций был полон решимости бороться за своё будущее, впервые его судьба полностью зависела от другого человека. Он никогда не боялся оказаться лицом к лицу с врагом, потому что всегда видел перед собой его движения и оружие. Но очутиться один на один перед неизвестностью, ждать и надеяться, чувствуя свою полную беспомощность – к этому Лаций был не готов.

Подъехав к ликторам, он поднял голову к небу и мысленно обратился к богам с просьбой о помощи, заверяя их, что сделает всё, чтобы оправдать надежды консула, и стать самым верным его помощником. Везде и всегда. Если тот, конечно, согласится его принять.

Когда ликтор произнёс его имя, Красс усмехнулся. Лаций вошёл и, прижав руку к груди, стал на одно колено. На консуле была новая туника и плащ пурпурного цвета, золотая пряжка и меч в коротких, покрытых орнаментом ножнах. Дорогая кожаная обувь всегда была слабым местом консула, но теперь он носил, пожалуй, самые изысканные калыцеи белого цвета, которые производились из кожи молодых ягнят. Она лучше всего подходила для втирания белой краски. В глаза также бросались две золотые пряжки в виде солнца.

Марк Красс сделал вид, что не заметил синяков и ссадин на лице Лация. Во взгляде у стоявшего перед ним воина горела отчаянная решительность. Консулу это нравилось. Красс подошёл и похлопал его по плечу:

– Лаций Корнелий! Я рад тебя видеть... Наши корабли отплывают через два дня. Такова воля богов. Я видел знамение. Впереди нас ждут нелёгкие испытания, но мы победим! – он был в приподнятом настроении, полон вдохновения и божественной снисходительности, как будто заранее знал будущее и готов был благосклонно делиться своими откровениями с другими. Однако разговор с Лацием требовал более приземлённых чувств. – Кстати, в Риме за тобой приходили. Ночью. Претор и стража. Говорят, ты что-то там натворил? Обыскали у меня весь дом. Народу набежало немало, как в праздник Марса. Зеваки, в основном, – в голосе Красса не было и намёка на то, что он винит или подозревает его в произошедшем. – Ты хотел что-то сказать? – со снисходительной интонацией в голосе спросил он.

– Консул, ты был прав... Я... Я хотел бы пойти с тобой, – хрипло произнёс Лаций. Волнение мешало ему говорить. – Если ты возьмёшь меня, конечно... – больше он ничего не мог

выдавить из себя. Марк Красс был для него в этот момент богом. И хотя в душе Лаций прекрасно понимал, что этот седой, худощавый человек никогда в жизни не помогал другим просто так, сейчас он был готов на всё, лишь бы тот взял его с собой.

Красс немного помолчал, внимательно глядя на Лация цепким, колючим взглядом, потом повернулся к ликторам и приказал:

– Дайте легату Лацию Корнелию Сципиону плащ и накидку! – затем добавил, уже обращаясь к нему: – Думаю, всё остальное мы сможем обсудить по дороге. Сейчас не время.

– Легату? – изумленно пробормотал Лаций. – Но ведь Сенат не назначил меня...

– Здесь я – Сенат! – коротко отрезал Красс. В его глазах снова мелькнула искра возвышенного предназначения и власти, которую Лаций уже несколько раз до этого замечал в Риме, но тогда это были лишь слабые проявления его характера, а теперь Красс чувствовал себя всемогущим. – Ты уже был почти легатом у Цезаря, не так ли?

– Да, консул. Благодарю тебя, – он прижал кулак к груди.

– Принимай седьмой легион. Кстати, там – твои товарищи, – добавил Красс. – Эти... как их?

– Варгонт, Атилла Кроний, Фемистил...

– Да, да, – перебил его консул. – Надеюсь, у тебя было время подумать о моих условиях? – как бы невзначай спросил он.

– Да, было. Я согласен и буду помогать тебе везде и во всём, – твёрдо произнёс Лаций.

– Кто бы спорил... – пробурчал Красс, оставшись один, когда ликторы и Лаций вышли из палатки.

Два дня пролетели незаметно. Недавно построенный каменный причал был больше и надёжнее деревянного. Лаций неспешно прошёлся по нему с начала до конца, постучал сандалией по плитам и поднялся на корабль. Он ждал последних указаний Красса. Небо было ясным, кое-где виднелись маленькие облака. С моря дул лёгкий ветер. Неожиданно его окликнул караульный у трапа.

– Там какой-то либертус просит тебя, легат, – сказал он. Лаций спустился вниз. Перед ним стоял Икадион – весь в пыли и грязи, со следами пота на лице и плечах. Усталость заставила уголки его глаз опуститься вниз, и провалившиеся щёки ещё сильнее обострили и без того выпирающие скулы. Сухие, потрескавшиеся губы говорили о том, что либертус долго скакал без остановки.

– Зачем ты здесь? – удивился Лаций.

– Я хочу с тобой поговорить. Наедине, – в знакомых оливковых глазах Икадиона промелькнула просьба, он собирался что-то добавить, но сдержался.

– Говори. Здесь ни у кого нет секретов.

– Хорошо, я скажу. Сначала я хотел догнать тебя и заставить вернуться, чтобы ты предстал перед судом, – он грустно усмехнулся. Лаций, нахмурившись, ждал. – Но тут... через пару дней после смерти юной Корнелии Пизонис нашли тело повитухи Сальвии. Выловили в Тибре, – он опять замолчал, как будто пересохло в горле. – Тебе знакомо это имя?

– Да, – кивнул он. Икадион закашлялся. – Принеси воды! – приказал Лаций караульному. Тот передал команду второму легионеру на борту.

– Её убили, – сипло продолжил Икадион. – Перерезали горло. Через день нашли служанку повитухи. Она принимала роды у жены Клавдия Пульхера, а потом они вместе приходили помогать Клавдии Пизонис. Раб у ворот сказал, что видел эту служанку в тот день... Она приносила амулеты для Сальвии Нумы. Видишь, её тоже убили. Вот я и подумал, за что? Все говорили, что это сделал ты, но тебя уже не было в Риме. Значит, не ты. Никто не мог этого объяснить, – в этот момент подошёл часовой, протянул мешок с водой. Икадион с жадностью сделал несколько глотков. – Благодарю тебя, – сказал он, вытерев рот рукой. – За день до моего

отъезда одна рабыня из нашего дома, которая укладывает волосы у Оливии, рассказала, что её брата отправляют в деревню. На виллу хозяйки. А он работает конюхом у матери Клода Пульхера.

– Ну, и что?

– Этот раб-конюх рассказал своей сестре, что из дома Клода неожиданно вывезли всех рабов. Причём половину сразу продали. Ещё он сказал, что Клод часто ссорился с женой, особенно до рождения сына. А после того как ты убил Клавдию Пизонис... или, как они считают, что убил, – поправился Икадион, – у них вдруг наладились отношения. Двое или трое человек в их доме слышали, как Клод благодарил богов, что ты попался ему на пути.

– И? – снова спросил Лаций.

– Остальных рабов из их дома решили продать.. Но не в Риме. В других городах. Как раз после того как Клод уехал в своё имение. Там он убил бывшего управляющего. Тот был египтянином. Я не помню его имени. Пульхер убил его, привёз голову в мешке и бросил посреди двора. Потом выгнал всех слуг и заставил смотреть. Они знали убитого. Его ещё в детстве привезли из Египта. И у него была тёмная кожа. Служанка слышала, как жена Клода сказала: «В его смерти виновата я, а за смерть Клавдии Пизонис ответит Пульхер».

Лаций задумался.

– Странно.

Икадион согласился:

– Да, странно. Почему он ответит за смерть Клавдии? Ты не знаешь? Вот, видишь, ты тоже молчишь. Поэтому я и приехал сюда, чтобы тебе рассказать.

– И что дальше?

– Я не верю, что ты убил Клавдию. Хотя я и видел тебя там. Ты был весь в крови... и у неё был твой нож, но это случилось после того... после того как кто-то... или она сама убила себя. Я не верю, Лаций.

– Я не убивал её. Она сама вытащила у меня нож. Это произошло случайно.

– Я верю тебе. Но судьи признали тебя виновным.

– Да, это понятно. Но ты знаешь, что кричала Клавдия, когда я вошёл?

– Нет.

– Она кричала: «Это не мой ребёнок!», – Лаций прищурил глаза и замолчал. Икадион в изумлении замер и приоткрыл рот.

– Значит, это... – начал он и запнулся.

– С мёртвых не спросишь, но теперь ты тоже видишь, что за этим стоит Клод Пульхер. Он всё подстроил. Не знаю как, но точно он. Повитуха знала об этом. Она тоже участвовала, но разве её спросишь? – Лаций обернулся на шум сзади. Там уже готовились отплыть. – Мы скоро отходим, – быстро добавил он.

– Но ведь теперь ты можешь вернуться в Рим и всё рассказать! – с жаром бросился к нему либертус. – Мы докажем, что ты никого не убивал.

– Как? Нет, я не хочу. Слишком поздно, – покачал головой Лаций. – Половина людей уже мертвы. А остальные просто не поверят. К тому же, я пообещал Крассу, что пойду с ним.

– Тогда возьми меня с собой! – попросил он. – Я не хочу оставаться в Риме.

– На этом корабле всё забито. Но, думаю, в третьем легионе тебя подберут. Я передам приказ Варгонту. Он что-нибудь придумает, – согласился Лаций.

– Да хранят тебя боги, легат, – с искренней благодарностью произнёс Икадион. Так он тоже оказался в этом странном походе вместе с армией Красса и Лацием.

ГЛАВА ХИТРЫЙ КУПЕЦ ХАБУЛ

В Азии Красс приказал легатам объехать все святилища иудейской земли вплоть до самой Парфии. Тем временем он продолжал вывозить все драгоценности из храма Держеты в городе Иераполе, а также Ягве в Иерусалиме. Несколько месяцев легионеры были заняты только тем, что сопровождали повозки с золотом к морю и там грузили их на корабли, отплывавшие в Рим. На пути было немало других храмов и местных святилищ. Так что многие воины обогащались, даже не обнажая мечи.

Одно небольшое сражение произошло, когда армия дошла до города Зенодотий и сожгла его, потому что там были убиты сто римских солдат из караульного гарнизона. Больше серьёзного сопротивления никто не оказывал. Легионеры прошли всю Месопотамию, переправились через Евфрат, разбили на реке Белик небольшое войско какого-то местного царька, заняли город Никефорий и вернулись в Сирию. Там к ним присоединилась конница Публия, сына Красса, которую тот привёл с собой из Галлии. Лаций с радостью узнал, что Сенат вместо Клода Пульхера утвердил квестором уже знакомого ему Гая Кассия. На военных советах, где обсуждались планы нападения на Парфию, Гай и Лаций вместе осторожно рекомендовали Крассу идти сначала на Вавилон. Там население всегда было враждебно настроено по отношению к парфянам, поэтому в городе можно было легко закрепиться и подготовиться к дальнейшему наступлению. Они оба настаивали на том, что врагу нельзя давать время, но всё было тщетно. Красс их не слушал и поступал так, как считал нужным – грабил местное население. Лацию это не нравилось. Однако он помнил о своём обещании богам, и поэтому молчал, в то время как честолюбивый Гай Кассий открыто выступал против решений консула, который не любил «выскочек» из плебейских родов и всячески показывал это молодому квестору.

В Финикии и Палестине Красс приказал организовать набор новобранцев, чтобы создать из местных жителей «Сирийский» легион всадников, но дело закончилось большими выкупками, которые те стали выплачивать в обмен за свободу своих детей. Легион так и не был сформирован. Недовольство легатов иногда проявлялось в редких спорах с ним, но Красс никогда не давал им перерасти в открытое возмущение, щедро платя за службу.

Лаций старался не вмешиваться в вопросы набора. Как и Кассий, он считал, что сорок тысяч человек вполне достаточно для любых действий, как мирных, так и военных. Однако Кассий был квестором и, в отличие от Лация, не мог уклониться от сбора налогов и податей с местного населения, потому что Красс приказал ему собирать деньги со всех – бедных и богатых. Однако, помимо денег, родители обязаны были ещё сами искать замену. В большинстве случаев это были юноши из бедных семей, чьи родители зависели от богатей и поэтому продавали своих детей в армию. А иногда и просто отдавали по их прихоти.

Оказавшись в городе Яффа, Кассий и Лаций столкнулись с одним очень хитрым купцом по имени Хабул. Этот человек хотел обмануть всех вокруг и, при этом, ничего не потерять. Он пришёл на набор один. За ним печально следовал только дряхлый осёл, которого вёл за собой на верёвке не менее старый раб. Когда подошла его очередь, Хабул сначала рухнул на колени, а затем упал лицом прямо в пыль. Именно в пыль, а не на ладони, как делали все остальные. Лаций от удивления даже приподнял шлем и не отреагировал на шутку Варгонта, который помогал Кассию:

– Сдох, что ли? Смотри, квестор, люди тебя боятся! Похоже, придётся брать на службу его осла и погонщика.

Хабул продолжал лежать лицом в пыли и не шевелился. Было очень жарко, и даже под навесом воздух казался похожим на жидкое горячее масло. Лаций изнывал от жары. Перед глазами висела пелена – всё слегка кружилось и плыло. Когда Кассий, выпив воды и обтерев голову мокрой тряпкой, кивнул двум пехотинцам, чтобы те подняли просителя на ноги, тот

наотрез отказался. Кассий скривился. Он заранее знал, что сейчас произойдёт, и не хотел тратить силы.

– Эй, ты! Вставай и говори!

– О горе... Горе мне, – еле слышно прохрипел обладатель длинной бороды и необъятного живота, слегка оторвав голову от земли. На его рубашке были видны тёмные полосы пота, – горе пришло в мой дом, о великий властитель солнца! Светило отражается от твоего шлема миллионами драгоценных камней, а мой дом в это время покрыт тенью смерти! – он снова попытался упасть лицом в пыль, но два легионера успели подхватить его под руки. – Небеса прогневались на меня, и жизнь моя стала ужасной!

– Что ты несёшь? – нахмурился Кассий, подозревая подвох. День обещал быть длинным, но он уже успел устать от духоты, глаза слипались, как будто перед этим он не спал всю ночь. Бладобрей постарался на славу, и сегодня колкая щетина в уголках губ не раздражала кожу, но пот разъедал щёки, и это было неприятно. Гай Кассий поморщился, протянул руку в сторону, и легионер сразу же наклонил кожаный мешок, налив ему в ладонь немного воды. Квестор плеснул в лицо, затем ещё и ещё. Стало немного легче. Купец, тем временем, продолжал причитать:

– Горе мне горе, и всему роду моему горе, отцам и всем предкам моим, трудившимся в поте лица своего от восхода до заката, детям моим горе, не знающим отдыха и помогающим мне в делах моих, всем нам горе...

– Ты кто такой? – коротко спросил Кассий и упёрся ладонями в колени.

– Хабул, Хабул я, – быстро ответил несчастный толстяк и снова закатил глаза к небу.

К квестору подошёл местный купец и что-то тихо сообщил.

– Хабул, у тебя семь сыновей, – обречённо вздохнул Гай. – Где они?

– О, горе мне! – снова взвыл Хабул. – Вчера мой старший сын умер. А сегодня его хоронят. И все люди моего дома пребывают в великом горе...

– Хабул! – резко крикнул Кассий, и тот от неожиданности вздрогнул. – Сколько лет было твоему старшему сыну?

– Двадцать, о солнцеподобный римлянин!

– А второй сын где?

– Он пошёл за жрецом, чтобы совершить сегодня обряд на святой горе.

– Хорошо, а третий?

– Он вместе со слугами выбирает баранов для жертвенного огня и поминальной трапезы.

– Но второй сын вернулся со жрецом? Ведь похороны сегодня? Где же он? – спросил Кассий.

– Боги разгневались на него за то, что он не смог перенести жреца через ручей и замочил ему ноги. Мой сын поскользнулся на мокром камне и сломал себе ногу.

– Ну и ну! Прямо в горах? С баранами?

– Да! Мне пришлось отправить туда на помощь третьего сына. Он остался там, чтобы сторожить стадо, потому что старый пастух так любил моего первенца Гевора, что всю ночь обливался слезами. Он хотел сам проводить его в последний путь. Пастух воспитывал его на коленях, как родная мать...

– Ну, ты и врун! А следующий сын?

– О, он ещё юн, – опустил взгляд Хабул, – и выбрал для себя путь жреца. Поэтому с весны этого года он живёт не в моём доме, а в храме. Ты можешь спросить у Равиля, он знает, – стоявший рядом с Кассием купец коротко кивнул. Лацию становилось интересно, как дальше будет выкручиваться этот пройдоха, и он подошёл поближе.

– Ладно, – согласился Кассий, – а остальные сыновья?

– Какие остальные? – с искренним удивлением спросил Хабул.

– Ещё трое!

– А-а, эти! Они – совсем маленькие. Одному год, другому – три, а третьему – семь.

– Тогда плати откуп и приводи замену, – буркнул Гай. Он снова сделал знак слуге, и тот послушно наклонил мешок с водой. Она уже стала тёплой, но лицу всё равно было приятно. Саднящий зуд на какое-то время ослаб. Не вытираясь, он посмотрел на продолжавшего что-то бормотать толстяка и спросил: – Зачем ты столько говоришь? Неси деньги!

– Я – очень, очень несчастный человек, – снова заскулил тучный купец, но заметив нетерпеливое движение квестора в сторону легионеров, сразу сменил тон и заговорил в два раза быстрее: – Но у меня есть дочери. Жена моя, Ада, подарила мне шесть прекрасных девочек, которых я предложил сыну твоего всемогущественного царя для танцев в его дворце.

– Что? – Кассий от удивления даже замер. – Какому сыну? Каких дочерей? Ты, кажется, испытываешь моё терпение, старый осёл!

– Нет, клянусь Яхве, так и есть! У сына твоего царя, его имя Публий, сегодня будет праздник, и я решил сделать ему приятный подарок. Никто не танцует в городе так красиво, как мои дочери. Я предложил ему взять их сегодня с собой. Ну, пока так... на время... – замялся толстяк, и его щеки смешно задёргались под мокрой и грязной от пыли и пота бородой.

– Что ты говоришь, несчастный? Публию не нужны танцовщицы...

– Слушай, Гай, – коснулся его локтя Лаций. – Я сейчас всё равно иду к Крассу. Давай, заодно найду Публия и спрошу об этом купце? Если врёт, то сам виноват.

– Думаешь? Ну, ладно. Давай, узнай! Жарко очень. Надо этого хитреца проучить, – согласился Кассий, и в изнеможении откинулся на столб, который служил спинкой его небольшому стулу. Беспощадное солнце тем временем продолжило свой путь по небосклону, опалая своими раскалёнными лучами сухую, растрескавшуюся землю и томившихся в ожидании людей.

ГЛАВА СТЫЧКА С ЛАБИЕНОМ И СПАСЕНИЕ ЭРИНИИ

Публий, как раз собирался куда-то ехать со своими друзьями — Мегабакхом, Цензорином и Октавием младшим. Они стояли возле лошадей и что-то весело обсуждали. В тени городской стены прятались от солнца несколько жителей и легионеров.

– Публий, приветствую тебя, – радостно произнёс Лаций, которому нравился открытый и жизнерадостный сын консула.

– О, ты тоже тут! – улыбнулся в ответ Публий. Он тряхнул длинными волосами и поднял руку в приветствии. – Мы как раз собирались поехать поохотиться. Лупанаров¹ нет, таверн и развлечений – тоже. Артисты куда-то подевались. Сдохли от жары, наверное. Старый Марий из обоза сказал, что здесь можно поохотиться на чёрных кабанов. Вот мы и собрались. Поедешь с нами?

– Нет, мы договорились с Гаем Кассием в другое место съездить. Только позже.

– Гай Кассий просидит до вечера на наборе солдат, а ночью ты никого не найдёшь. Кроме скорпионов, – рассмеялся Публий, а вместе с ним и его друзья.

– Ладно, попробуем хотя бы, – Лаций снял шлем и вытер пот. – Потом расскажете, как там с кабанями, может, мы тоже на днях съездим. Слушай, тут такое дело... Там один слишком хитрый купец, не помню имя, Хабиб, Хабуб или как там его, сказал, что договорился с тобой о своих дочерях. Они будут сегодня вечером танцевать для тебя, а ты за это якобы пообещал, что его сыновья не пойдут в новый легион.

– Не помню что-то, – удивлённо вскинул вверх брови Публий.

– А это не тот ли хитрый Хабул, который привёл этих девчонок? – кивнул в сторону сидящих у стены людей Октавий-младший.

– Это девушки? – снова удивился Публий. Они подошли к похожим на пыльные мешки фигурам, которые действительно оказались маленькими девочками. Старшая, не поднимая глаз, сказала, что отец привёл их сюда, чтобы вечером танцевать у великого царя римлян на празднике. Ещё она добавила, что они хорошие танцовщицы и царь будет доволен.

– Хм-м... Ну и пусть танцуют, что нам от этого? – пожал плечами Публий. – Мегабакх, тебе аппетит не испортят? – подмигнул он громадному темнокожему другу, который слушал их, не перебивая.

– Вряд ли, – покачал тот головой, и все заулыбались, зная, что испортить аппетит этому гиганту было просто невозможно.

– Вот видишь, девушки тут, так что Хабул не соврал. Только передай Гаю, что одним вечером они не отделаются. Пусть танцуют до следующих ид. Сколько там осталось? Дней семь? Вот, пусть купец за это время найдёт им замену.

– Ты думаешь, они действительно хорошо танцуют? – с сомнением спросил Лаций.

– А что тебе не нравится?

– Слишком маленькие. Хорошие танцовщицы так не выглядят.

– Ну, вот, вечером и посмотрим. Ладно, мы поехали. Если что, ты знаешь, где нас искать. Приезжай, если захочешь! – Публий снова рассмеялся, и они, сев на лошадей, направились в сторону невысоких, покрытых густым лесом холмов за городом.

Лаций вернулся и рассказал всё Гаю Кассию. Тот отпустил уже совсем растаявшего под солнцем купца домой. Однако хитрец перед этим протянул ему кусок ткани для печати. Было видно, что он заранее припас его, надеясь на благополучный исход. Лаций удивился, что ткань

¹ Дома терпимости

была хорошего качества и не соответствовала грязному и невымытому виду купца. И ещё Хабул как-то спокойно выслушал приказ Кассия о том, что девушки должны находиться в лагере семь дней, пока он не найдёт замену своим старшим сыновьям, а также, что они будут танцевать по вечерам на обеде у Публия. Пройдоха только радостно закивал головой и, быстро выхватив у писаря ткань с печатью, подтверждавшей его неприкосновенность на семь дней, поторопился покинуть площадь.

Всё стало ясно на следующий день, когда Лаций возвращался в город после проверки караула. Солнце уже поднялось высоко, но до дневной жары ещё было далеко. Возле городских ворот к нему подошёл центурион из гарнизонной стражи и попросил поговорить с какими-то странными людьми, которые с самого рассвета сидели у стены и ждали Публия, сына консула. Лаций спрыгнул с коня и подошёл к пожилому мужчине, чьё лицо с глубокими морщинами напоминало кору старого дерева. За его спиной виднелись фигуры двух женщин.

– Ты кто? – коротко спросил Лаций.

– Я – Аарон, а это – моя жена Мейра и младшая дочь Сара. Мы приехали из Харакса всей семьёй к двоюродному брату жены. Его звали Иоанн. Но месяц назад он умер, и мы вынуждены были остановиться у Хабула. Он знал брата моей жены...

– Подожди, – прервал его Лаций, услышав имя купца, с которым столкнулся накануне. – Я ничего не понял. Говори медленнее! Откуда ты приехал?

– Из Харакса, это земля Харакена, начало жизни и конец двух больших рек. Тигр и Евфрат – наши великие реки. Ты слышал о нашем городе?

– Нет, – пожал плечами Лаций. – А что ты делал у Хабула?

– Нужда заставила нас обратиться к нему. Потому что в день, когда мы приехали в город, у нас украли мулов и лошадь. И все наши вещи. Хабул обещал помочь. Потому что брат моей жены тоже помогал ему. Ещё при жизни. Но он, к несчастью, умер. Два дня назад Хабул попросил нас приехать в город, но не говорить об этом римлянам. Иначе – страшное наказание. Мы испугались. Хабул сказал, что поможет, но за это нам надо отправить своих дочерей танцевать у римского царя. И тогда нас простят и отпустят домой. У меня только старшая дочь Эриния умеет говорить по-гречески. Поэтому мы ей всё рассказали и вчера утром отвели с Хабулом к римскому главному воину в городе.

– К начальнику гарнизона.

– Там стена такая острая из брёвен и стража...

– Да, я знаю, – кивнул Лаций, уже догадавшись обо всём.

– А вчера вечером Хабул пришёл домой злой. Молчал и не говорил ничего. Он собрал своих детей и жену. Нас они закрыли в сарае. А сами ночью уехали. Когда мы выбрались, там был другой человек. Он сказал, что теперь этот дом продан и принадлежит другому купцу. Нас прогнали. Сказали, можем идти, куда хотим. Мы хотели вернуться домой. Но без денег и дочерей мы не можем идти. А где они, мы не знаем. Хабул сказал, они пошли танцевать к молодому царю. Но где он, царь? И где нам найти наших детей? – Аарон опустил глаза и стал качать головой из стороны в сторону.

– А почему ты не рассказал это ему? – Лаций кивнул в сторону стражника.

– Я всё рассказал. Но он ничего не знает. Сказал, сидите и ждите кого-нибудь. Вот мы и сидим.

– Вам надо в лагерь. Но вы туда не доберётесь. Ладно, оставайтесь тут, – он не хотел ничего обещать этим незнакомым, но всё же обманутым и несчастным людям.

Когда Лаций добрался до лагеря, сына Красса там уже не было. Зато он узнал, где находятся танцовщицы. Их отправили ночевать в обоз к его другу Марию. Услышав историю про хитрого купца, старый легионер не стал ничего спрашивать, только пожал плечами и кивнул в сторону спящих на пустых мешках девушек.

– Слышишь, ты это, будь осторожен. Квинт Лабиен хотел их себе забрать, – предупредил он. – Он легат всё-таки.

– Да? Правда? Как-то он хотел задавить Варгонта лошадью, но не получилось, – вспомнил Лаций старую стычку между Варгонтом и самоуверенным всадником, которому тот не уступил дорогу на берегу. После сильного шторма все еле стояли на ногах, и Варгонт помогал разгружать имущество легиона вместе с гастатами. Всадник, не зная, что перед ним стоит недавно назначенный префект, потребовал освободить дорогу ему и сопровождавшим его слугам. И ещё приказал легионерам Варгонта отнести его груз. Лация в этот момент не было, поэтому после короткой перепалки всадник двинул свою лошадь грудью прямо на «дерзкого коротышку», как он назвал Варгонта. Естественно, через мгновение она вместе с всадником полетела в воду, после чего их вытащили на берег и слугам Лабиена с трудом удалось увести легата в лагерь.

– Да, этот, – недовольно буркнул Марий. – Не сталкивайся с ним.

– Не волнуйся, он же не купил их у Публия! – возразил Лаций. – Просто отвезу в город. Там их отец ждёт.

– Кто знает. Всякое бывает, – вздохнул ветеран. – Удачи тебе!

Когда заспанные и ещё не пришедшие в себя девушки узнали, что они возвращаются к своим родителям, их радости не было предела. Они сели в пустую повозку со старым меринном и выехали с Лацием из лагеря.

На полпути их догнали два всадника. Один из них был тот самый Квинт Лабиен, о котором говорил Марий. Его сопровождал центурион Геренний – беспринципный и дерзкий легионер. Лаций хорошо знал его по службе в армии Цезаря. Видимо, эти два неприятных человека уже успели найти что-то общее.

– Ты куда их везёшь, Лаций? Один, без ликторов. Ты не заблудился? – довольно резко и нагло окликнул его Лабиен, останавливая лошадь. Узкий прищур глаз, плотно сжатые губы и вздрагивающие ноздри – было видно, что он с трудом сдерживается, чтобы не броситься на него.

– Я везу из назад, в город, – стараюсь оставаться спокойным, ответил Лаций.

– Это мои рабыни. Я купил их у Публия Красса! Вот свидетель, – Лабиен махнул в сторону центуриона.

– Публий не мог их продать. Он их не покупал. Это – не его рабыни, – Лаций продолжал ехать дальше, как ни в чём не бывало.

– Отдай их мне, иначе...

– Не надо кричать, Лабиен. Я тебя хорошо слышу. Ты говоришь, что заплатил. Сколько? – спросил он.

– Триста сестерциев, – не моргнув глазом, ответил тот.

– Я верну тебе эти деньги перед вечерним караулом, если ты не врёшь.

– Я не продаю их. Мне не нужны деньги.

– Хорошо, попробуем по-другому: сколько ты хочешь? – предложил Лаций.

– Я не продаю их! Ты, что, не слышал? Или безродные легаты теперь имеют право на произвол в римской армии? – дерзко бросил Лабиен. Его лицо скривилось в презрительной гримасе, и он ждал ответного оскорбления. Он был уверен, что Лаций не станет спорить с двумя вооружёнными всадниками, и положил руку на меч, чтобы припугнуть его. Лаций повернул голову и оценил расстояние. Центурион Геренний тоже взялся за меч и приблизился к повозке. Лацию хорошо был виден шрам у него на шее. Широкая, рваная линия проходила от левого уха до противоположной ключицы, как будто кто-то хотел отрубить голову вместе с рукой, но лишь порвал кожу. Шрам резко выделялся своей белизной на тёмной коже центуриона, и за это его прозвали «молнией».

В это время девушки, дрожа от страха, жались друг к другу в повозке.

– Он не купил нас, – донёлся оттуда негромкий голос. Видимо, кто-то из них понимал, о чём они говорят. Лаций даже не пошевелился. Он продолжал внимательно следить за движениями центуриона Геренния, которого считал более опытным и опасным противником, чем Лабиен.

– Скажи свою цену, или тебе придётся второй раз искупаться в море вместе с лошадью, – с угрозой в голосе произнёс он. – Только теперь это будет море твоей крови, – короткий нож выскользнул из-за пояса и привычно лёг в руку. Постукивая рукояткой о колено, Лаций ждал, прикидывая, стоит ли кидать его в лошадь или сразу в ногу Гереннию, если тот попытается приблизиться. Но перед этим стоило напомнить зарвавшемуся легату о его прошлой ссоре с Варгонтом. Тот не сразу понял, о чём идёт речь, но потом лицо его вспыхнуло, он натянул поводья, конь дёрнулся и чуть не встал на дыбы. – Ну? – поднял вверх брови Лаций. – Ты, кажется, всё понял? Нож летит быстрее, чем ты думаешь.

Центурион сдал назад и начал что-то объяснять легату тихим голосом. Было видно, как сильно напряглись у него на шее жилы и быстро задвигалась обычно неподвижная челюсть. Потом Геренний нахмурился и покачал головой. Его новый друг остался недоволен услышанным. Лицо Лабиена пылало от гнева, но центурион покачал головой ещё раз и отъехал в сторону. Через какое-то время легат принял решение.

– Шестьсот сестерциев. И прямо сейчас, – дрогнувшим голосом произнёс он. Было видно, что эти слова дались ему с трудом, потому что он не собирался уступать, но, видимо, Геренний успел объяснить, почему Лаций держит нож за лезвие и что будет дальше, если тот бросится на него с мечом. Лабиену ничего не оставалось, как согласиться.

– Получишь вечером, если не соврал, – похлопав рукояткой по ладони, ответил Лаций и потянул лошадь влево. Старый мерин дёрнул повозку и поплёлся следом. Колёса снова запели свою унылую скрипучую песню, с каждым поворотом всё больше и больше удаляясь от двух всадников. Лабиен остался справа, и Лаций какое-то время следил за ним краем глаза, но потом расстояние увеличилось и легат пропал из виду. Повернуться – означало показать свою неуверенность. Этого Лаций позволить себе не мог. Он опустил голову на грудь и какое-то время ехал молча, внимательно прислушиваясь к звукам за спиной. Однако там не было слышно ничего, кроме скрипа повозки.

– Они уехали, – раздался вдруг чей-то тонкий голос. Он резко повернулся и увидел большие чёрные глаза, смотрящие на него из-под накинутой на голову ткани, широкие брови и длинный нос с горбинкой. Особенно запомнились ему трепещущие от страха тонкие ноздри красивого носа. У этой девочки было необычное лицо, и она явно отличалась от местных жителей своей внешностью. – Они уехали, – повторила она. Лаций оглянулся и увидел спины двух удалявшихся всадников. Улыбка невольно тронула его губы, и он ответил:

– Ты – хорошая девушка. Как тебя зовут?

– Эриния.

– Молодец Эриния, поехали. Там вас отец ждёт.

Увидев своих дочерей, несчастный Аарон расплакался, как ребёнок. Старое лицо вытянулось вниз подобно высохшему финику, и по изборождённым морщинами щекам потекли крупные слёзы. Он долго всех обнимал и целовал в лоб. Мать вела себя более сдержанно. Обняв детей, она никуда их не отпускала, и они жались к ней, как маленькие гусята к гусыне.

– Я не забуду тебя, благородный человек! – сквозь слёзы произнёс отец. – Мы все тебя не забудем.

Лаций не стал ждать, пока чувства отца успокоятся и, пожелав удачи, направил своего коня в сторону городских ворот. Какое-то время он ещё слышал обрывочные слова благодарности, которые тот с трудом выговаривал, стараясь облагодетельствовать всех будущих детей и потомков своего спасителя, но потом и они смолкли.

Отдавать деньги не пришлось, так как обман Лабиена выяснился сразу же по возвращении в лагерь. В том, что тот не придёт за деньгами, Лаций уже не сомневался. Легат Лабием проявлял смелость и дерзкую напористость только когда чувствовал за спиной силу или покровительство. Но он никогда не решался выяснять отношения один на один.

Вскоре Лаций забыл об этой встрече, но богини Парки, вьющие нить его судьбы, завязали здесь узелок, чтобы через какое-то время снова свести его с высокомерным легатом и его другом центурионом в другом месте.

ГЛАВА ПАДЕНИЕ ДВУХ КРАССОВ

Погода менялась. Вскоре в этих местах должны были начаться песчаные бури, поэтому войска стали постепенно возвращаться на север, в Антиохию. Однако Марк Красс не спешил. Он хотел показать сыну несколько храмов в Иерусалиме, где, по его сведениям, статуи богов были сделаны из чистого золота и щедро украшены драгоценными камнями. Лаций насчитал пять храмов. Легионеры начали строить большие повозки, чтобы вывезти тяжёлые скульптуры богов. Гастаты Варгонта и ветераны Мария обычно сопровождали их в портовые города, где грузили на корабли и отправляли в Рим.

В храме Афродиты, который был последним в этом списке, произошло неприятное событие, и легионеры, ставшие его невольными свидетелями, потом часто рассказывали об этом остальным воинам в большом лагере.

В тот день Красс показывал своему сыну огромные статуи Зевса, Геры, Аполлона, Венеры и ещё десятка греческих богов. Все они были сделаны из чистого золота. Когда он смотрел на них, его глаза светились от счастья и искреннего восторга. Ласково проводя рукой по тёплой поверхности жёлтого металла, Красс дрожащим голосом говорил, обращаясь к сыну:

– Смотри, Публий, такие даже в Греции нет. Тит Помпоний Атик точно лопнет от зависти, когда увидит! Интересно, сколько здесь талантов золота? Тысячи, много тысяч...

Стоявшие у входа ликторы и легаты молчали. Лаций вошёл внутрь. Солнце нещадно палило в небе, превращая воздух в липкий сок персика, но в каменном храме было прохладно и приятно. Никого, кроме самого Красса, обилие золота в восторг уже не приводило. Консул с сыном углубились в дальнюю часть зала, за ними последовали ликторы, а Лаций с другими легатом вышли и остались стоять в тени на небольшой площадке у входа. Когда пожилой консул и его молодой сын показались из полутьмы храма, один из ликторов махнул рукой и центурион Геренний отдал приказ легионерам. Сорок человек первой центурии развернулись и направились к боковому входу. Для них начиналась рутинная работа: как и раньше, надо было вынести все эти статуи наружу и погрузить на скучившиеся с другой стороны повозки. Марк Красс и его сын стояли у выхода, а внизу, у лестницы, изнывали от жары легионеры. Ровные шеренги тянулись от первой ступени до начала пыльной дороги, где консула уже ждали лошади.

– Приветствую вас, защитники Рима! – громко произнёс Красс. Две когорты, почти тысяча человек, радостно выкрикнули его имя. Публий в это время стал не спеша спускаться вниз. Выслушав приветствие, Красс последовал за ним. Но когда его сын уже готов был сделать последний шаг и ступить на землю, он неожиданно оступился и упал. Как оказалось, за день до этого под первой ступенькой образовалась небольшая яма и перед самым приездом консула её наспех засыпали песком. Публий не видел этого, он смотрел на легионеров, отвечая на их приветствия. Попав ногой в песок, он подвернул щиколотку. Марка Красса отделяли от него всего два шага, однако он тоже не смотрел вниз. Взгляд консула был устремлён поверх голов приветствовавших его воинов.

– Слава императору! – кричали воины, с трудом преодолевая жару и усталость. Красс упивался этими словами. Краем глаза он видел, как сын сделал первый шаг на землю, а потом потерял его из виду. Продолжая смотреть вдаль, консул сделал следующий шаг. Нога зацепилась за плащ Публия, он попытался отдёргнуть её, но было уже поздно. Споткнувшись, он рухнул рядом. Сын лежал, держась за ногу. Теперь рядом с ним лежал его отец. Все легаты затихли и хмуро переглянулись. По рядам легионеров пронёсся звук, похожий на громкий вздох, и они опустили щиты на землю. Лаций видел, как их лица исказила гримаса ужаса. Для римлян, свято веривших в божественные предзнаменования, это был страшный знак.

Однако сам консул ничуть не расстроился. Он встал и, как ни в чём не бывало, ещё раз поприветствовал воинов. Те ответили вяло и невпопад. Красс натянуто улыбался, думая о том,

что всё это – предрассудки и чепуха. Сколько раз он уже спотыкался в своей жизни! И ничего, всё было в порядке. Главное, что теперь золотые скульптуры отправятся в Рим, к нему домой. Позади уже слышны были команды легионеров, вытаскивавших из храма первую статую.

Они возвращались в Сирию с богатой добычей. Дорога была пустынной и скучной. Лаций плавно качался в такт шагам своей лошади, которая тоже устала от невыносимой жары и еле плелась, опустив голову вниз. Медленное, равномерное движение тысяч людей напоминало копошение муравьёв, земля вокруг которых, казалось, расплывалась и таяла, как масло в жертвенном светильнике. Лаций почти не дышал. Мысли жили сами по себе, и он бездумно следовал за ними, переходя от одного воспоминания к другому. В голове всплыл их сложный разговор с Крассом о семье Пизонисов. Это случилось в лагере, сразу после прибытия в Сирию. В тот день Лаций рассказал старому консулу всё, что произошло.

– А ты знаешь, кто внёс на рассмотрение Сената новый закон об убийстве? – спросил тогда Красс.

– Нет. Не знаю. Наверное, это было совсем недавно, – ответил Лаций.

– Разве ты не слышал, что теперь никому нельзя убить гражданина Рима без суда и веской причины? Это – закон. С январских календ² прошлого года. За убийство – суд и смерть. Цицерону из-за этого закона пришлось уехать в ссылку.

– Да, я, кажется, что-то слышал.

– Так вот, по иронии судьбы, этот закон предложил Клод Публий Пульхер. Представляешь? – Красс криво усмехнулся. – Твой злейший враг как будто предвидел, что ты попадёшь в эту ловушку.

– Я уже ничему не удивляюсь. Но что мне делать?

– То же, что сделали Цицерон, Парний и многие другие до тебя.

– Уехать в ссылку? – удивился Лаций. – Но я и так в ссылке, разве нет?

– Да. Но пусть она принесёт тебе пользу в отличие от них, – назидательно заметил Красс. – Я тебя не брошу. Не бойся. Время пролетит незаметно. За эти годы сменится много людей, произойдут большие изменения в Сенате, поверь мне. Главное, вернуться в Рим с деньгами. Думай о золоте, оно поможет тебе забыть обо всём остальном.

– Законы не изменятся! – возразил Лаций. – И меня всё равно будут считать убийцей.

– Закон – один, причём на все времена. Власть и сила зависят от золота. Только так, а не иначе. Поверь, вернёмся из Азии, и всё исправим. Ты даже сможешь стать сенатором или консулом, если захочешь, – Красс по-отечески похлопал его по плечу.

– Мне это уже не надо. Благодарю тебя! Ты сделал меня легатом без сенаторского места.

– Да, потому что я – умный человек. И умею разбираться в людях. А ты пока нет. Поэтому не расстраивайся, выполняй свои обязанности и жди удачу. Будь умным. Не спеши погибнуть просто так, – на этом их разговор тогда закончился. Второй раз обсудить несчастье в доме Пизонисов так и не получилось.

² Календы – 1-ое число месяца.

ГЛАВА БУДНИ ЛЕГИОНОВ

Время зимой тянулось в Азии очень медленно, и мало чем отличалось от Рима. Жизнь замирала, общение становилось скупым, вялым и скучным, в основном, по необходимости. Торговля в городах сворачивалась, люди реже выходили на улицы, и караваны полностью исчезали с торговых путей. Купцы опасались песчаных ветров, под которыми, по рассказам местных жителей, уже было похоронено немало верблюдов и неосторожных путешественников. Город Антиохия, возле которого был разбит зимний лагерь римлян, оказался самым удобным местом для отправки собранных драгоценностей. Здесь проживало много греков-купцов, никогда не видевших своей далёкой родины. Их предки, пришедшие вслед за Александром Македонским, осели на побережье и постепенно превратились в местных жителей. В городе был большой удобный порт, именно сюда сходились все дороги из южной Палестины, западной Лидии, а также восточной Зевгмы. Отсюда начинался путь в Армению. Длинные караваны богатых купцов уходили из Зевгмы на восток, к далёкой стране Серес или Синарум³, где жили люди с жёлтой кожей и узкими глазами, и там же делали великолепный шёлк.

Жизнь военных легионов возле города совсем остановилась, и Лаций с тревогой замечал, что воины постепенно стали превращаться в отдыхающих арделионов. Они не упражнялись уже несколько месяцев. Легионы теряли выучку, хотя центурионы и трибуны делали всё возможное, чтобы заставить пехотинцев отрабатывать боевые упражнения. Несмотря на то, что гастаты работали на строительных работах с утра до вечера, для воинской подготовки этого было недостаточно. К тому же, многие из них разбогатели и обленились, и стали теперь нанимать своих товарищей для замены в карауле или на работах. Особенно тех, кто часто проигрывал в кости. В главном лагере, располагавшемся ближе к городу, появилось много нарушителей. Там вообще не было никакой дисциплины. Бродячие артисты, нищие, воры, беспутные женщины и мелкие торговцы предлагали почти за бесценок любые товары и услуги. Эти люди, в отличие от снабжавших армию меценатов и купцов, жили рядом с осыпавшимся рвом лагеря, прямо на земле, прячась за небольшими камнями и редкими деревьями. По размеру их поселение превосходило сам римский лагерь. Из-за этого сброда у квестора Кассия, который заведовал денежной казной армии, постоянно возникали споры с Крассом. Тот не видел ничего плохого в том, что одна половина легионеров буквально жила за границами лагеря, а вторая бездельничала, находясь внутри и потребляя большие запасы продовольствия. Хотя в восьмёрках легионеры должны были сами платить за еду из своего жалования и сами готовить себе похлёбку, ходить в караул и работать в лагере, в армии Красса всё было по-другому. Дело даже доходило до того, что воины покупали себе рабов, которые готовили за них еду, ходили на работы и выполняли все тяжёлые обязанности по строительству и уборке.

Лацию пришлось пойти на хитрость. Он уговорил Красса отправить несколько легионов, включая свой, на постройку дорог и создание второго, тренировочного лагеря, где гастатов ежедневно заставляли отрабатывать боевые приёмы с мечом, передвигаться строем и перестраиваться под сигналы рожков. За время вынужденного простоя эти три легиона построили дорогу от Антиохии до основного лагеря. К сожалению, это только ухудшило положение оставшихся там воинов. Теперь добраться до них из города не составляло большого труда, и к стенам лагеря стали приходиться даже городские жители.

В один хмурый ветреный день легионеры Лация Корнелия и Гая Октавия отрабатывали перестроения на месте и в движении. Они как раз проходили между двух холмов, когда Лаций подумал, что в этом месте надо двигаться в более плотном строю, плечом к плечу, как в греческой фаланге. Он приказал перестроить пять когорт в одну линию, чтобы отработать

³ Китай (лат.)

этот манёвр. Вторая часть легиона должна была двигаться им навстречу, снизу вверх, чтобы не пропустить дальше. Лаций пообещал всем день отдыха и развлечения с местными гетерами в «храме Приапа⁴», который располагался рядом с основным лагерем. Легион Октавия остался внизу, а сам Октавий поднялся с ним на холм. Несмотря на превосходство в количестве, легионеры у подножия холма не смогли сдержать натиск сомкнутого строя длинной фаланги, скатившейся на них сверху, как волна. Линия защитников сначала прогнулась, а потом рассыпалась в разные стороны по другим возвышенностям. Некоторые падали на землю, было много пыли и шума, но организованного отхода у «защитников» не получилось. Они беспорядочно рассеялись и не смогли оказать организованное сопротивление.

– Надо пустить конницу по флангам. Обойдут быстрее и окружат со всех сторон, – сказал Лаций, кивнув на легионеров.

– А что делать, если ты будешь внизу? Сверху понятно – скатился и раздавил всех. А если на тебя такая фаланга обрушится? – спросил Октавий.

– Хороший вопрос... – усмехнулся Лаций и задумался. – Надо их как-то рассечь. Иначе сметут. Напор большой.

– Но как? Столб же не вобьёшь посреди дороги!

– А почему бы и нет? Давай попробуем. Может, пару повозок за триариями спрятать?..

Пока они обсуждали, что может стать препятствием для противника при таком построении и как можно разбить фалангу на две части, внизу возникло небольшое оживление и вскоре к ним в сопровождении нескольких легионеров подошёл Варгонт.

– Лаций, смотри, кого мы поймали! – радостно воскликнул его друг.

– Кого? – спросил тот.

– Змею, что ли? – улыбнулся Октавий. Они не сразу заметили невысокого испуганного старика с седой жидкой бородкой и непокрытой головой. В руке он держал кусок длинной ткани. Похоже, она была у него на голове и размоталась по дороге. Старик тяжело дышал и был явно напуган.

– Воины говорят, что это – злой дух. Он прятался, чтобы поймать караванщиков. Злой дух песков...

– Подожди, он говорит по-гречески?

– Я говорю, говорю, – донёсся до них резкий скрипучий голос. – Я – торговец Али. Мы были в Гиерополе. Продавали масло и зерно. Шли назад. Но песок погубил наших верблюдов. Я остался один. Не убивай меня. Я иду домой. Я иду в Антиохию.

– Хм, старик, ты, должно быть, действительно дух, потому что Антиохию совсем рядом, а от Гиерополя тебе пришлось бы идти недели две, – покачал головой Лаций.

– Не знаю, сколько я шёл. Долго. Но я – не дух. Я – Али, торговец. Я жил в песке.

– Ну, я же говорю, злой дух! – воскликнул Варгонт.

– Да погоди ты, – махнул рукой Лаций. – Али, а сколько ты уже в пустыне один?

– Не помню точно. Дни все были, как ночи. Темно. Песок. Я нашёл дерево. Под ним была вода. Мне повезло. Потом я долго шёл без воды. Песка не было. А затем он догнал меня... Ветер и песок. Я сидел и ждал. Вчера снова пошёл. Он меня схватил, – торговец кивнул на Варгонта.

– А как ты сидел в песке? – снова спросил Лаций. Ему было любопытно, как старик выжил во время песчаной бури.

– Вот так, – Али сел на сухую редкую траву и накрыл руками голову. Все рассмеялись.

– Но песок! Тебя бы засыпал песок.

– Нет-нет, – замотал головой торговец. – У меня большая шкура верблюда. От ветра. Как у тебя, на плечах, – старик показал на плащ Лация.

⁴ Приап – божество разврата (римск.).

– Эпевбити⁵? – спросил он.

– Да, да, эпевбити, – закивал Али.

– У него там был плащ или накидка. Ты видел? – спросил он Варгонта.

– Нет. Он прямо из песка появился.

– Понятно. Но смотри, его не занесло, потому что он прятался под плащом, с головой. Ты накрывался эпевбити? – обратился Лаций к старику.

– Да, сверху и снизу. Песок всё равно проходит. Но дышать можно. Только рот надо завязать, – торговец поднял руку с куском ткани и стал показывать, как обматывает её вокруг головы, чтобы песок не попадал в рот и нос. – Когда много песка, вот так, надо стать на колени и идти. На другое место. Выше. Так не засыплет. Спать нельзя никак! Ходить надо с места на место...

– Хороший совет. Варгонт, отпусти его! Найдите там накидку в песке. Отдайте ему. А потом покажите дорогу в Антиохию. Пусть идёт. Ты свободен, – улыбнулся Лаций старику, который испуганно слушал чужую речь. – Эпевбити сейчас найдут.

– Благодарю тебя, всеильный римлянин!

– Ладно, хватит! Иди! – Лаций отвернулся и встретился с насмешливым взглядом Октавия.

– Любишь ты с плебсом разговаривать. Смотри, как бы не пришлось потом пожалеть. Я им не доверяю, – легат подозрительно покачал головой и поджал губы. Его руки крепко сжимали повод, и во взгляде вместе с неодобрением проскользнула непонятная решительность и даже злость.

– Причём тут это? Он же такую вещь рассказал! Ведь если ты вдруг окажешься на его месте, то сможешь выжить. Мне было интересно, как он смог столько пройти, – искренне попытался объяснить Лаций.

– Я никогда не окажусь на его месте, потому что я – легат. У меня есть ликторы. И в пустыню просто так не поеду, чтобы там под плащом от песка прятаться, – в его голосе сквозило пренебрежение.

– Да, конечно! Ты пошлешь туда сначала своего брадобрёя, конюхов, а за ними – обоз с ветеранами и только потом сам приедешь в оборудованный лагерь! Так? Не смей меня!

– И пошлю, если надо. Ты зря смеёшься. Из-за этой своей любви к плебеям ты до сих пор не стал сенатором. У тебя меньше всех слуг в лагере. У тебя всего три раба и один посыльный! И даже нет своего брадобрёя! Ты бреешься сам! Это – недопустимо. Все так считают.

– Кто все, Октавий? – усмехнулся Лаций. – Марк Красс так считает?

– Нет, не он! Старик тебя почему-то любит. Он всем ставит в пример тебя и Публия. Но Публий – его сын и может делать всё, что хочет. Он тоже сроднился со своими галлами, как будто они кровные братья.

– Гай, ты это что, серьёзно? – всё ещё не веря, что Октавий несёт такую чушь, произнёс Лаций. – Что за муха тебя укусила? Эти люди могут спасти тебе жизнь. Они ведь...

– Да, я серьёзно! – перебил его легат. – В бою плебеи побегут и не испугаются тебя, потому что ты для них друг. Да, ты можешь ходить с ними по гетерам и тавернам, но бриться ты сам не должен! Понимаешь? – в его голоса слышалось раздражение. Гай Октавий был сыном известного сенатора, воспитывался в семье патриция и придерживался строгих взглядов на дисциплину и положение людей, как в армии, так и в обществе. Он поддерживал Лация и Кассия в этом походе во всех военных вопросах, но не одобрял общение с гастатами и местным населением, которое, как он считал, всегда могло их предать. – Пойми, Лаций, тебе нужна репутация строгого легата, а не весёлого друга всех бродяг. Я говорю тебе это как друг. Я очень хочу помочь! Мой отец всегда хорошо говорил о твоих родителях. Я тоже им благодарен за то,

⁵ Плащ (греч.)

что они спасли моего отца от Суллы. Но ты никогда не сможешь добиться должности магистрата после ухода из армии, если у тебя не будет денег и репутации строгого командира.

– Знаю, – помрачнел Лаций, и улыбка сошла с его лица. – Но думаю, не всё так просто. Красс... – он хотел сказать Октавию, что сейчас всем обязан консулу, но решил не спешить. – Ладно, пошли с фалангой разбираться, – примирительно закончил он и тронул поводья. Гай Октавий неодобрительно покачал головой и поехал следом.

ГЛАВА РАЗВЛЕЧЕНИЯ В «ХРАМЕ ПРИАПА»

Когда два легиона вернулись в лагерь, то всем свободным от службы воинам было разрешено отправиться в «храм Приапа». Лаций тоже пошёл с ними, хотя мог бы приказать привести жриц любви к себе в палатку. Но ему хотелось поиграть в кости с Варгонтом, Икадионом, балагуром Атиллой Кронием и другими боевыми товарищами.

Легионеры с радостью поспешили в сторону визжащей толпы, где женщины не жалели сурьмы и травяных красок для своих лиц, стараясь выглядеть как можно ярче. Бродячие актёры и фокусники кричали, зазывая на игры, громко стучали в небольшие медные литавры и даже трубили в неизвестно откуда взявшиеся длинные дребезжащие трубы. Одним хотелось денег, другим – развлечений.

«Храм Приапа» быстро проглотил всех пришедших, и легионеры разошлись по любимым местам: кто-то хотел навестить знакомую гетеру, кто-то поиграть в кости с нищими обманщиками, а кто-то просто посмотреть фокусы – лишь бы отвлечься и отдохнуть после жаркого и тяжёлого дня.

Лаций участвовал в этом балагане вместе со всеми. Он тоже кричал, когда проигрывал, спорил с шулерами и фокусниками, радовался их новым трюкам и любил женщин. Ему понравилась одна молодая гетера с большими накрашенными глазами. Раньше он её здесь не видел. По внимательному взгляду легко можно было догадаться, что за приятной моложавостью и тонкой талией пряталась уже довольно опытная развратница. Заметив Лация, она подошла и села рядом, Варгонт сразу же загоготал, тыча в неё пальцем:

– Охо-хо-хо, сегодня пташки сами слетаются к тебе, Лаций! Ты давно не работал своим приапом, и она это чувствует! – все вокруг рассмеялись, грубо и открыто, как это всегда бывает в компаниях, где люди могут смеяться по любому поводу, не обращая внимания на обиды и насмешки.

– Сыграем ещё разок, может, я выиграю для неё чуть больше денег! – весело предложил Лаций.

– Э-э, – хитрым тоном протянул Атилла Кроний, – вечно эти легаты портят наших женщин. Зачем платить им больше?

– Для удовольствия, Атилла, для удовольствия, – со смехом ответил Лаций, трясая деревянный стакан с костями.

– Эй, пошли со мной! – раздался вдруг такой громкий голос, как будто эти слова проревел бешеный бык, забравшийся в большую амфору для зерна. Все резко повернули головы. За спиной Лация высилась огромная фигура. Костры ещё не разгорелись в полную силу, и в бликах слабого пламени казалось, что этот великан упирается головой в небо.

Лаций тоже повернулся и с удивлением увидел, что какой-то высокий широкоплечий легионер, злорадно улыбаясь, схватил за руку сидевшую рядом с ним гетеру, а та, отчаянно дёргаясь, пытается вырваться из его огромных лап.

– Мегабакх, это ты? – с недоумением спросил он, подумав, что второго такого огромного воина в их лагере нет.

– Кто? Я? Нет! Я тот, кто победил Мегабакха! – раздался гулкий низкий голос, и все поняли, что это был другой воин, а не знаменитый друг юного Публия Красса. – Идём, шлюха! Вчера ты не захотела, но сегодня у меня есть деньги.

– Ты победил Мегабакха? – вдруг крикнул ему Лаций. – Не может быть! Расскажи нам, как тебе это удалось?

– О-о... – протянул кто-то рядом. – Начинается... Сейчас будет жарко.

– Не надо, Лаций, – попытался осторожно вмешаться Варгонт и толкнул его в колено.

– А ты кто такой? Разве ты не знаешь Синопа? – прорычал гигант. – Я поднял большой камень! А Мегабакх не смог. Я победил Мегабакха!

– Конечно, я тебя не знаю, – продолжая разыгрывать искреннее недоумение, покачал головой Лаций. – Но выглядишь ты грозно.

– Тогда спроси у них, кто я! – легионер махнул рукой в сторону притихших зрителей. – Не дёргайся, ты! А то ткну головой в песок! – зло прикрикнул он на царапавшуюся женщину. Та притихла, но продолжала упираться ногами в землю. Тогда он поднял её в воздух и рассмеялся.

– Слушай, какой ты сильный! – громко крикнул Лаций, чтобы звук его голоса дошёл до ушей смеющегося великана.

– Что? Что ты сказал? – с недоумением спросил тот.

– Ты – сильный. Ты – о-о-очень сильный. Можно тебя поднять?

– Что? – тупо промычал Синоп. Лаций напряг голос и повторил:

– Можно поднять? Ты не против?

Громила замер, выпятил вперёд нижнюю губу, потом пожал плечами и тупо спросил:

– Зачем?

– Ну, просто так. Можно? Ты же не против? – Лаций был сама наивность.

– Давай, – радостно вдруг согласился Синоп.

– Варгонт, подними его! – шепнул он и толкнул друга под локоть.

– Поднять? И всё? – спросил тот. – Ты уверен?

– Да, только подними, и всё, – кивнул Лаций.

Варгонт вздохнул и послушно подошёл к верзиле. Затем окинул его взглядом и, прихватив за бёдра, оторвал от земли. При этом тот продолжал держать в другой руке перепуганную гетеру.

– Слава Юпитеру! Синоп, смотри, Варгонт поднял тебя! Значит, Варгонт сильнее тебя, потому что ты поднял камень, который не смог поднять Мегабакх! Теперь Варгонт сильнее тебя и Мегабакха. Так?

– Э-э... – гигант открыл рот, чтобы что-то сказать, но его мысль замерла где-то в глубинах толстого черепа и никак не могла пробиться наружу, к языку.

– Вы видите, гастаты, теперь Варгонт – победитель Синопа и Мегабакха! – радостно объявил Лаций, похлопав по плечу товарища. Тот недовольно скривился, предчувствуя недоброе. Зрители зашумели, что сильно разозлило громилу.

– Я – победитель Мегабакха, – протянул он. – Это я!.. – рывкнул он и стал качать головой из стороны в сторону. Все невольно попятнулись назад.

– Ты был победителем, Синоп! Раньше был, – не унимался Лаций. – Ты поднял камень, который не смог поднять Мегабакх. А Варгонт поднял тебя. Но смотри теперь сюда! Я могу поднять Варгонта! – с этими словами он обхватил друга за пояс и оторвал от земли. – Видел? Теперь я победил Варгонта, который поднял Синопа. Значит, я – победитель Синопа и Мегабакха!

– А-а-а! – раздался дикий рёв, и огромный легионер, отпустив обезумевшую от страха и боли женщину, сделал шаг вперёд. – Это я победил Мегабакха!

– Нет, я! – с непонятной остальным весёлостью выкрикнул Лаций. В предвкушении драки к костру стали стягиваться другие воины и любопытные нищие. Все хотели увидеть, чем закончится ссора. Взгляды зрителей были обращены на взбешённого гиганта, и никто, кроме Варгонта, не заметил, как Лаций встал с набитого песком мешка и медленно подтащил к себе доску. Теперь она лежала сверху, упираясь одним концом в землю, а другим – ему в колено. В этот момент гигант пришёл в себя и заорал:

– Я убью тебя! Прямо здесь! – он угрожающе двинулся вперёд, но его движения были слишком медленные. В бою Лаций легко успел бы отойти в сторону и даже не коснулся бы этой глыбы. Но здесь ему хотелось поиграть с верзилой. Он подождал, пока Синоп добегит

до доски, и резко опустил свой край вниз. Другая сторона, как качели, взлетела вверх и замерла на уровне живота набегавшего воина. Тот даже не успел её увидеть.

– О-о-о-ох-х! – громкий хриплый выдох ветром пронёсся над головами замерших зрителей, и огромное тело, налетев животом на преграду, сложилось пополам. Синоп успел схватиться за доску, но расстояние было таким маленьким, что он просто не смог остановиться. От удара у него перехватило дыхание, ноги подкосились и, присев вниз, большое тело медленно завалилось на спину. Варгонт и Атилла Кроний хотели подойти к нему, но Лаций остановил их:

– Стойте! – резко крикнул он. – Ещё не всё.

– А что ещё? – поинтересовался Атилла Кроний. – Бегать будете? Или в кости играть?

– Вряд ли, – с сомнением покачал головой Варгонт. Но Синоп вдруг приподнялся и захрипел:

– Я победил Мега... – все вокруг засмеялись, но сразу затихли, потому что огромное тело действительно встало на ноги.

– Давай догоняй! – подзадоривал его Лаций. – Я уже устал тебя ждать!

Синоп, покачиваясь, стоял и тупо смотрел на человека, который, как ему казалось, решил перед смертью поиграть с ним в детские игры.

– Ты... – прохрипел он. – Я убью тебя!

– Возможно. Но сначала придётся побегать, – пробормотал Лаций себе под нос и сделал шаг в сторону.

Гигант качнулся вперёд, но уже не так быстро. Когда его руки готовы были сомкнуться у Лация на горле, тот вдруг исчез. Огромные ладони громко хлопнули в тишине. Синоп закачался и с трудом удержал равновесие. Однако оскорбившего его наглеца нигде не было видно. Верзила повёл головой влево и вправо. В слабых отблесках костра виднелись только полутёмные лица радостных зрителей. Все они улыбались и грубо шутили над ним. Это привело громадного воина в бешенство.

– Ты где?! – взревел он.

– Здесь. Уже устал ждать, – раздался голос сзади. Лаций сидел на мешке с песком и смотрел Синопу в спину. Варгонт и его товарищи сделали несколько шагов назад, заранее зная, что будет дальше. Огромный легионер принялся гоняться за ним по кругу, стараясь поймать руками за шею, но Лаций каждый раз умудрялся ускользнуть от него в самый последний момент, после чего великан выкрикивал непонятные слова, злился, иногда падал, вставал и снова бежал, теряя всё больше и больше сил. Так продолжалось довольно долго, пока его скудный ум не осенила догадка – он схватил доску, на которую наткнулся животом, и бросил её в Лация, сбив его с ног. Благодаря этой хитрости громиле удалось навалиться на него сверху и прижать к земле. Лаций сумел вывернуться, однако силач в последний момент успел обхватить его за грудь. Теперь Синоп лежал на спине, а Лаций – сверху, не в силах освободиться от его мёртвой хватки. Оба тяжело дышали. Лаций приподнял голову. Руки сгибались в локте. Пальцы доставали до носа. Он высморкался. Все вокруг рассмеялись и стали улюлюкать, подзадоривая Синопа. Но тот не знал, что делать. Он чувствовал, что если хоть чуть-чуть ослабит хватку, то его вёрткий соперник сразу выскользнет. Через какое-то время Лаций отдышался и сказал:

– Я тебя победил! Ты лежишь и не можешь меня поднять. А я лежу сверху! Значит, я снова победил Синопа, который поднял камень, который не смог... – не выдержав такого издевательства, Синоп изо всех сил сжал руки, и Лаций чуть не задохнулся. Оба захрипели, но скоро силы покинули уставшего гиганта и он ослабил хватку. Лаций вдохнул полной грудью и произнёс:

– Ты готов, Синоп? Я тебя предупреждал! – на этих словах Варгонт толкнул Икадиона в бок и сказал:

– Жаль бычка. Сколько мяса!

Стоявший рядом Атилла Кроний тоже с сожалением вздохнул:
– Прощай, Синоп!

В этот момент Лаций изо всех сил ударил верзилу затылком по носу. Всем было слышно, как громко хрустнул сломанный хрящ и ночную тьму разорвал дикий крик боли. Не теряя времени, Лаций отодвинул бедро в сторону и ударил кулаком вниз. Так как он лежал у Синопа на животе, то удар пришёлся тому прямо в пах. Громила взвыл и разжал руки. Лаций сразу перекатился в сторону и встал. Он ещё не восстановил дыхание, но выглядел намного лучше, чем скрючившийся на земле противник. Тот лежал на боку и тихо стонал, поджав колени к груди и качая головой из стороны в сторону.

– Лаций победил Синопа! – выкрикнул Варгонт, и толпа подхватила этот клич, радуясь победе и весёлому зрелищу, о котором теперь можно было долго рассказывать в лагере. Хотя точно так же они радовались бы, если бы Синоп раздавил Лация у себя на груди и его труп валялся бы теперь у них под ногами. Таковы были нравы эти простых людей, живущих в крайне трудных условиях военных лагерей и поэтому предающихся развлечениям без зазрения совести и глупых условностей.

ГЛАВА ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ИЗ РИМА

В середине зимы в Лаодикию приехали несколько магистратов и десятка три путешественников. Среди них были один квестор Сената, два инспектора по закупкам зерна, масла, тканей и других регулярных товаров, необходимых Риму на следующий год, судебные преторы и наблюдатели, которые обычно празднично проводили время с наместником провинции. С ними прибыло много римлян других сословий, часть которых теперь добралась до Александрии и Антиохии. Для состоятельных граждан такие поездки были обычным делом, особенно в зимнее время, когда в Риме становилось холодно и скучно. Дальние родственники Марка Красса, друзья и знакомые уже не раз посещали лагерь.

На этот раз у палатки ликторов остановились большие носилки, и оттуда вышел Марк Валерий Мессала Руф. Сенатор поприветствовал удивлённых Лация и Кассия, как старых друзей, с которыми расстался только вчера, и прошёлся с Публием Крассом по лагерю. Они провели там совсем мало времени, скорее для формальности, чем для проверки и оценки. В конце все трое пришли к консулу, и Мессала Руф как бы невзначай спросил Лация:

– Ты не заехал бы ко мне как-нибудь вечером? Надеюсь, консул не планирует дальний поход в ближайшее время? – он повернулся и улыбнулся Крассу. Тот самодовольно хмыкнул, и Лаций понял, что этот вопрос был решён заранее. К тому же, без него.

– Пока не планирую. Какие тут походы! – махнул рукой Красс. – Пусть едет. Может, его легионеры отдохнут. Хотя вряд ли. Там останется ещё один Марс-громовержец, его друг Варгонт. Тоже любитель повоевать. Но ты забирай его, Мессала Руф, забирай. Может тебе и удастся за месяц сделать его помягче, – добавил консул.

Лаций с удивлением смотрел на располневшего сенатора. Красные щёки с синими прожилками обрюзгли и двумя толстыми лепёшками свисали вдоль узких, выпирающих вперёд скул. Крупный нос, который и раньше не отличался красотой, теперь стал лиловым и рыхлым, как будто его, как оливку, долго вымачивали в винном уксусе. Верхние веки напоминали два тонких листочка папируса, которые не полностью прикрывали верхнюю часть неподвижных выпуклых глаз, при этом кожа сдвинулась к уголкам, как у старой собаки, и казалось, что сенатор вот-вот заплачет. Нижние веки отошли от глаза и висели полу дугами, как два пустых сосуда из-под масла, придавая его лицу жалкое и печальное выражение. Однако это было только внешнее впечатление. Мессала Руф по-прежнему живо двигался, не хромя и не переваливаясь с ноги на ногу, что вполне можно было ожидать при таком большом весе. Когда они вышли из палатки консула, Лаций спросил:

– Благодарю за приглашение, сенатор, но зачем я тебе нужен? Тем более на целый месяц?

– Я прибыл не один.

– Только не говори, что с этим рыжим греком! – фыркнул Лаций.

– Нет, Александр остался в Риме. Приезжай, увидишь, – одними уголками губ усмехнулся тот.

– Тогда кто? Судебные преторы? Они тоже прибыли на этих кораблях? – в голове у Лация сразу возникли мысли о смерти Клавдии Пизонис.

– Да, но у них другие заботы. Не бойся, тебя они искать не будут. Здесь ты им не нужен. В Азии все ждут только денег и развлечений. Преторы приехали в прошлые иды и ни разу о тебе не спросили. Вот так-то! Тем более не забывай, что тебя приглашает сам Марк Валерий Мессала Руф, а не судебный магистрат! И не куда-нибудь, а к себе домой, – он назидательно поднял вверх указательный палец, потом посмотрел на небо, поспешно опустил руку и добавил: – Не бери с меня пример. Богам указывать не надо.

– Странно... – пробормотал Лаций. Догадки одна за другой теснились в его голове, но разумного объяснения не находилось. Неприятное напряжение долго не давало ему покоя, поэтому он решил поехать к Мессале Руфу на следующий день как можно раньше.

Солнце светило ярко, все дома и улицы в Антиохии были светло-жёлтого цвета, как летом, и только высохшие виноградные лозы и голые ветки кустарников напоминали о том, что до него ещё далеко. Ночью и утром здесь всегда было холодно, однако днём солнце иногда разогревало камни, и до наступления сумерек воздух оставался тёплым. А вечером снова становилось ужасно холодно.

Около длинного здания из белого камня, в котором расположился сенатор, стояли три раба. Они кутались в толстые шерстяные накидки. Когда Лаций остановился, один из них подошёл и взял коня.

– Приветствую, Лаций Корнелий Сципион! Тебя ждут, – поклонился второй слуга у входа. На его лице застыла заискивающая улыбка. Лаций поёжился, снова вспомнив рыжего грека.

В атриуме никого не было. Двери закрылись, и оттуда-то из глубины комнаты накатились лёгкие волны тёплого воздуха. Он быстро огляделся: в этой комнате не было статуй, у стен стояли лишь несколько бюстов и три широких кресла. Пол покрывали ровные квадратные плиты из красного мрамора, без вставок и украшений. Десять небольших светильников заменяли прозрачную крышу, поэтому внутри было светло, но всё равно немного тускло и блекло. Этот дом, несмотря на большую площадь, выглядел скромнее, чем даже дом какого-нибудь купца средней руки в Риме. Однако для Антиохии это было роскошно.

Лаций обошёл атриум по кругу, когда сзади послышались тихие шаги. Он обернулся и от неожиданности замер. К нему приближалась Эмилия.

– Ты? – всё ещё не веря своим глазам, спросил он. – Что ты тут делаешь? Хотя это глупо... Но зачем? Зачем ты сюда приехала?

– Разве ты не рад меня видеть? – игриво произнесла она, прищурилась и послала ему одну из своих обворожительных улыбок.

– Рад, но зачем ты приехала сюда? У тебя здесь дела? Или ты к кому-то другому... А как же Рим? Прости, я снова не о том... Я хотел сказать, как же Гней Помпей? Разве ты... – Лаций терялся в догадках, но ему было приятно, что Эмилия встретила с ним, даже если приехала совсем не ради этого. Водоворот мыслей кружил ему голову, и слова не успевали за ними. Лаций растерянно посмотрел на неё и вздохнул.

– У Помпея сейчас большое горе. Умерла Юлия, его жена.

– Юлия? Дочь Цезаря? – с удивлением переспросил он. – Да, теперь у него всё изменится...

– Уже изменилось. Но такова была воля богов. Она в последнее время сильно болела, не выходила из дома, и вот... Так что сейчас Помпей занят другими проблемами. Он воюет с Сенатом и цензорами. Кстати, здание Сената сгорело, и они никак не могут решить, где им теперь собираться. Смешно... Помпей предложил свой театр, потому что он каменный. Но все считают его огромной лупанарией. Каждый месяц там проходят праздники Приама и Флоры.

– Э-э, да, я помню. Был там один раз. Хватило впечатлений, – покачал головой Лаций, вспомнив, как они с Оливией чудом выбрались оттуда живыми.

– Сенаторы тоже считают, что нельзя решать дела Рима в здании, где раньше половина из них играла в игры Купидона. Там почти весь город побывал. О-о, какие представления были! Катон Младший назвал его местом, где гибнут нравы Рима. Но Помпей настаивает. Говорит, что хочет всё это остановить, чтобы разместить там Сенат. А если не получится, то переделает в храм.

– Да, помню я открытие этого театра, помню... Ты тоже была там с Клодом. Это был... тяжёлый день, – пробормотал Лаций, не зная, как описать царившую там вакханалию и нападение людей Пульхера. Поэтому он решил сменить тему: – Но ты же приехала с Мессалой Руфом?

– А с кем ещё? Только с ним и можно было, – усмехнулась Эмилия. – Ты же знаешь, что его не интересуют женщины. Он приехал сюда с сыном от первой жены. В Риме они редко видятся. А я... Вот видишь, тоже рискнула. Путешествовать в одиночку сейчас опасно, одна бы я не решилась. Не те времена. В Риме неспокойно. В провинциях – тоже. Много беглецов и разбойников. Грабежи на дорогах. Ну и ещё я давно мечтала посетить Азию. Тут столько красивых тканей и ароматных масел!

– Но где же сенатор? – Лаций обвёл взглядом комнату, ожидая появления Мессалы Руфа, и снова уставился на Эмилию. Она была невероятно хороша. Собранные на затылке волосы подчёркивали стройность шеи. Чуть ниже красовалась маленькая родинка. Длинная толстая палла из шерсти и такая же накидка полностью скрывали её фигуру, но ему было достаточно одного изгиба ткани на бедре, чтобы дорисовать в воображении всё остальное. Лаций несколько раз моргнул и даже покачал головой, пытаясь избавиться от наваждения. Близость Эмилии пьянила его, как неразбавленное греческое вино, сделанное из сладкого, тронутого морозом винограда.

– Не волнуйся, сенатора сегодня нет. Он сказал, что поедет с сыном к Крассу. Насколько я знаю, Мессала хочет стать в следующем году консулом, а сына назначить наместником на Сицилии. Красс знает, как ему помочь, – с иронией усмехнулась она. – Хотя, если честно, то это будет чуть позже, а сейчас ему показывают юных рабов в доме одного сирийского друга.

– Новых мальчиков? Он не остепенился?

– Ты слишком прямолинеен. В Риме недавно прошла страшная болезнь. Многие умерли. Среди них несколько его любимых юношей. Александр тоже заболел и, к сожалению, умер на вилле, – она остановилась, увидев, как изменился в лице Лаций. – Ты удивлён? – в её голосе снова прозвучала прежняя издёвка вместе с искоркой интриги, и он почувствовал, что его неудержимо тянет к Эмилии. В ней были не присущие другим женщинам смелость, внутренняя уверенность в себе, дерзость во взгляде и улыбке, граничащая с наглостью, и ещё – совершенная красота тела, которая заставляла кровь закипать, а сердце биться чаще и сильнее. Лаций набрал в грудь побольше воздуха и закрыл глаза. Сердце не хотело успокаиваться. Эмилия, не дождавшись ответа, продолжила: – Ладно, я знаю. Ты ему нравишься. Только не делай такое лицо! Когда Александр слёг, Валерия Мессалы в Риме не было, и, наверное, поэтому болезнь рабов обошла его стороной. Боги пощадили сенатора. Сейчас он часто приносит дары храмам и не шутит на эту тему.

Продолжая рассказывать о последних римских новостях, Эмилия провела его вглубь дома. В триклинии уже был накрыт небольшой стол. Лаций стал расспрашивать о знакомых и друзьях и, был приятно удивлён, когда услышал, что в Риме его судьбой никто не интересуется. Его даже не искали, как будто Парки спрятали нить его судьбы в укромный угол своей пещеры. По крайней мере, Эмилия не слышала об этом ни от одного магистрата. Ни в Риме, ни здесь. Но она всё время как-то пристально и внимательно смотрела на него, иногда погружаясь в свои мысли и отвечая на вопросы с задержкой.

– Я никак не могу поверить, что ты приехала! Мессала Руф сказал, что я могу провести здесь месяц.

– Да, этот дом в моём распоряжении. Его сын живёт у ликторов префекта города, а сам сенатор предпочитает оставаться на ночь у своих старых и новых друзей.

– Понятно. Значит, ты в этом доме одна? Ты, что, плохо себя чувствуешь? – спросил Лаций, заметив, что Эмилия смотрит сквозь него куда-то вдаль.

– Нет, – вздохнула она. – Но... Я приехала, чтобы вернуть тебе медальон... – в её голосе прозвучала нескрываемая скорбь. – Твой ужасный медальон. Он там, в моих вещах. Я отдам его позже.

– Мой медальон? Что случилось?! Ты, кажется, отдала его своей любимой служанке. Надеюсь, она не стала его носить? – его сердце сжалось от неприятного предчувствия.

– Аония. Её звали Аония... Бедняжка, – большие чёрные глаза наполнились слезами, и, взяв со стола персик, она накрыла его ладонями. Потом покатила и положила обратно. Одинокaя слеза медленно скатилась по щеке и упала на руку. Она откинулась на спинку кресла и, вздохнув, попыталась улыбнуться. Но у неё не получилось. Бледно-розовые губы задрожали, Эмилия закрыла лицо руками, и слёзы хлынули из глаз нескончаемым потоком. Лаций схватил её за руки, потом – за плечи, но она сама ткнулась ему в грудь. Не зная, как успокоить, он просто гладил её по спине и плечам. Через какое-то время Эмилия пришла в себя и посмотрела на него более спокойным взглядом. Она загнала свою боль глубоко внутрь, и теперь только печальные тени в уголках глаз говорили о её душевном страдании.

– Что произошло? – тихо спросил он, заранее зная ответ на свой вопрос.

– Она уже в царстве Орка. Но... мне, наверное, придётся рассказать тебе всё с самого начала, чтобы ты понял.

– Я... я готов слушать. У нас есть целый месяц, – попытался улыбнуться Лаций, но эти слова прозвучали неискренне и совсем не к месту, поэтому он поспешил добавить: – Прости, я не знаю, что произошло, и очень хочу тебе помочь.

Один раб поддерживал огонь в большом круге посередине комнаты. Ещё два подавали еду. Эмилия приказала всем уйти и придвинулась ближе к огню, где пол был теплее.

– Будешь что-нибудь есть? Тебе дать? – спросил он.

– Нет. Сядь рядом, – она положила ладонь на толстый шерстяной ковёр без ворса. Когда Лаций подвинулся, она взяла его за руку и, опустив глаза, сказала: – Её убили из-за медальона. Да, снова эта тайна с золотом.

– Я так и знал! – слова Эмилии, как нож вонзились ему в сердце, сразу всколыхнув неприятные воспоминания, связанные с этим странным чёрным амулетом. Он предполагал, что с любимой рабыней Эмилии могло что-то произойти, что она могла заболеть какой-нибудь странной болезнью и умереть, как рыжий грек Александр, но представить себе, что её убили из-за медальона, всё же не мог.

– Подожди. Послушай, тут не всё так просто. Только не перебивай меня! Ты должен знать, что Мессала Руф – мой отец.

– Отец? – вырвалось у него.

– Да. Не перебивай! Я никому об этом ещё не говорила.

– Хорошо.

– Я – его вторая дочь. Мы родились в один день от разных женщин, но моя сестра появилась первой, а я – второй. Не знаю, что произошло, но она умерла сразу после родов. И я осталась одна. И ещё я – незаконнорожденная. Это произошло случайно, и тебе не надо знать все подробности. Сын у него от первой жены. Но из-за любви к мальчикам его друзья в это не верят. Мессала Руф поспорил на очень большие деньги, что у него могут быть дети, и выиграл спор – так появились на свет мы. После смерти первой девочки Мессала Руф договорился, чтобы меня удочерили дальние родственники Катона-младшего. Я росла, ничего об этом не зная. Но потом Цицерон добился казни тех, кто участвовал в заговоре Катилины. Среди них были мой приёмный отец и его племянник. В один день их семья потеряла всё – дом, имение, виноградники и землю. Мессала Руф удочерил меня, и так я обрела второго приёмного отца, который был настоящим. Никто не мог подумать, что я его родная дочь. Он стал помогать мне. Вот. Теперь ты всё знаешь. Он никогда ничего не запрещал, покупал самых красивых рабынь из Сицилии и Сардинии и относился ко мне, как к живой статуе, а не дочери. Хотя это понятно, ведь он

никогда не любил женщин... Мне было тринадцать, когда мужчины стали проявлять ко мне интерес. Я боялась этого и отправляла к ним своих рабынь. Они воспринимали это как шутку, но потом всем стало это нравиться. Тем более что поначалу за это ничего не платили. Так постепенно я превратилась в хозяйку большого количества куртизанок. Почему бы и нет? Мессала Руф был не против. Только за. Помогал и помогает до сих пор. По крайней мере, тогда это была лучшая защита от таких, как Клод Публий Пульхер и его банда.

– Пульхер? Опять Пульхер? Что же за боги стоят за его спиной, если он смеет мешать даже тебе?

– Он мешает многим. Вернее, мешал. Больше не будет. Сейчас расскажу. Он посмел угрожать самому Помпею и Цицерону! Ты же знаешь, что он сжёг дом Цицерона, чтобы купить его потом за бесценно? И жил там всё это время.

– Да, знаю. И не только его дом... – грустно добавил Лаций.

– Наверное. Этого негодяя не боялись только Марк Красс и его сыновья. Думаю, здесь есть какая-то связь. Но теперь этого уже не узнать. Так вот, Клод Пульхер был клиентом одной из моих девушек. Пассии Фелицы. Помнишь её? Она подходила к тебе в термах. Но ты не захотел её.

– Да, помню. Но дальше что?

– Она была дважды беременна от Клода. Первый раз от плода удалось избавиться сразу, а во второй было слишком поздно. Он приходил и требовал Пассию, но я отправила её на виллу Мессалы Руфа, чтобы Пульхер не натворил глупостей. Такие люди способны на всё. Каждый раз он приходил и громко жаловался. Говорил, что все остальные рабыни слишком холодные. Не такая грудь, не такие ноги, широкие бёдра, короткие руки или толстые губы. Последний раз это произошло через десять дней после твоего отъезда. Он вёл себя, как сумасшедший. Вбежал во внутренний двор, потом – в дом, носился по всем комнатам. Искал Пассию. Не верил, что её нет. В лаватрине наткнулся на Аонию. С ней было ещё несколько рабынь. Они как раз помылись и не успели одеться. Аония говорила, что он ворвался и закричал: «Пассия, ты здесь?» А потом замер, как будто Юпитер поразил его молнией. Она сказала, что он смотрел только на неё. Да, на неё. После этого Клод стал приходить чаще и требовал к себе только Аонию. Я чувствовала неладное и постоянно отказывала ему, отправляя других рабынь. Тогда он взял и приехал со своими вольноотпущенниками. Было поздно, все спали. Он бросил мне под ноги почти целый талант золота. Не удивляйся, так и было. Но я всё равно не согласилась бы, если бы Аония сама не сказала мне, что так будет лучше. Она боялась, что из-за неё пострадают остальные рабыни и даже я. Тогда мы не знали, что он хотел... Клод Пульхер был в тот вечер очень злой. С ним было человек пятнадцать.

– Я знаю, он один не ходит, – грустно покачал головой Лаций.

– Да, это были те, с кем ты столкнулся ночью. Наверное, те. Они увезли Аонию и ещё пятерых рабынь. Девушки мне потом всё рассказали. В своём доме он потребовал отдать ему медальон. Он кричал, что владелец медальона должен сделать это по доброй воле. Аония отказалась. Пульхер приказал своим людям схватить её. Они поставили бедняжку на колени и положили голову на стул для чаши. Клод всё время кричал. Это слышали даже в саду. Аония, наверное, не поверила. Или не хотела ему подчиниться. Не знаю. Тогда он обезумел, схватил меч и отрубил ей голову. Он забрал медальон, а тело приказал выбросить в Тибр, – Эмилия опустила взгляд и замолчала.

– Какое-то безумие! Почему он его просто на забрал? Зачем было убивать? Не понимаю. А Мессала Руф? Ты с ним говорила?

– Да, – тихо ответила она. – Он сказал, что всё знает. Аония якобы хотела украсть у Клода золотое кольцо. Воспользовалась тем, что он заснул и... Короче, он считает, что рабыня подняла руку на вещь хозяина. Это подтвердили его люди. Два гражданина Рима. Глупость,

конечно. Как они могли быть ночью вместе с ними в постели? Но всё же... Клод потом передал Мессале Руфу талант золота в знак примирения, но ко мне больше не приходил.

– Подожди, ты сказала, что привезла медальон?

– Да. Однако это уже другая история. Ужаснее первой. Меня даже трясёт, когда я вспоминаю это! Всё могло кончиться ещё хуже. Знаешь, кто меня спас?

– Кто?

– Афина Паллада... – негромко произнесла Эмилия.

– Как? Не понимаю. Тебе помогли греки? Ты была в храме? Что там произошло? – Лаций даже не мог себе представить, что ещё могло случиться после гибели Аонии. Спустив тёплую паллу с одного плеча, потом – с другого, Эмилия обнажила ключицы и грудь. Ему бросились в глаза мелкие мурашки, которые пробежали по её гладкой коже, и взгляд остановился на сжавшихся от холода тёмно-коричневых сосках. Лаций почувствовал, как дыхание невольно учащается и в голове слышен стук сердца. Эмилия подняла левую руку и показала тонкий длинный шрам от рёбер до бедра.

– Что это? – пробормотал он в смущении. Красота Эмилии влияла на него сильнее, чем те страдания, которые она переживала, и Лаций ничего не мог с собой поделать. Он ощущал близость её тела, слышал шум в голове и, чтобы скрыть своё внезапное волнение, отвёл взгляд в сторону. Эмилия, видимо, заметила это и набросила накидку на одно плечо, оставив оголённой только бок. Затем провела пальцем по шраму и сказала:

– Это осталось на память от убийцы. Он пришёл после смерти Пульхера.

– Смерти Пульхера? Он умер? Ты... ты убила Пульхера?

– Нет. Но этот человек считал, что я.

– Как это? Слушай, даже не верится. Неужели это правда? Как за это время могло столько всего произойти?

– Не знаю... Я уже говорила, что в Риме после ухода Красса стало беспокойно. Помпей начал предлагать новые законы, но Сенат его не поддержал. Народные трибуны тоже были против. На улицах начались беспорядки. Помнишь Тита Анния Милона?

– Да, конечно. Тогда, ночью, он спас меня от шайки Клода.

– Да, это было случайно. Ты ему был не нужен. Так вот, Тит Милон по просьбе Помпея вернулся в Рим Цицерона. Это было ещё при тебе. Глупый старый Помпей... Он говорил мне, что хочет добиться этим популярности у народа Рима, но просчитался. За возвращение Цицерона его возненавидела Фульвия, жена твоего врага Клода Пульхера. Мерзкая женщина. Она везде суёт свой нос и старается давить на мужчин деньгами. Даже сейчас. Она – очень богатая. Ей одной досталось всё наследство семейства Гракхов. Представляешь? Говорят, оно больше, чем состояние Марка Красса.

– Вот это да! Слушай, но ведь она родила ребёнка от раба... – Лаций вспомнил взломаченную женщину с диким взглядом и в грязной накидке, которую видел в коридоре своего бывшего дома.

– Сейчас это неважно. Тит Анний ехал ко мне в Рим по Аппиевой дороге и случайно столкнулся с Клодом Пульхером, как он потом рассказывал. Там есть сужение, и они упёрлись носилками, как два барана. Никто не хотел уступать. Это произошло как раз между Ланувием и Римом, около Бовилл.

– Я знаю это место.

– Так вот... Тит Анний очень спешил, потому что дело касалось Помпея. А тот в этот момент был как раз у меня... с одной из новых рабынь. Сенат хотел назначить Помпея диктатором для наведения порядка. Поэтому Помпею нужен был Тит Анний с его людьми. Это так, чтобы ты понимал, что происходило.

– Да, пока понимаю. Стало ещё хуже, чем раньше.

– Так вот, когда Пульхер и Анний столкнулись на Аппиевой дороге, Клод заявил, что ни за что не уступит безродному усыновлённому бандиту. Тит Анний ответил ему, что не может пачкать руки о сына плебея, тем более что не знает, мужчина внутри или женщина. Он обозвал Клода любвеобильной гетерой и заявил, что любой его раб может убить такого недостойного человека, как Пульхер. Глупый Клод ввязался в перепалку, крикнул, мол, пусть только посмеет... Короче, Тит отдал приказ, и один из рабов наугад бросил дротик в носилки Клода. И попал ему в бок. Случайно. Пульхера сразу достали и отнесли в какой-то дом у дороги. Тит Анний сказал, что в тот момент ему было всё равно – ранить или убить Клода. Представляешь, он даже рассказал мне потом, что у него было разрешение на убийство Пульхера! Но он не захотел говорить, от кого. Только сказал, что покровитель Клода от него отказался.

– Странно. Кто бы это мог быть?

– Не знаю. Может, Цезарь? Или сам Помпей? Но если бы Тит оставил Клода Пульхера в живых, тот потом мог бы использовать свои связи, чтобы добиться его изгнания. Поэтому Тит сразу приказал своим гладиаторам вытащить красавчика Пульхера на дорогу и добить. Они убили его и привезли тело в Рим, на Форум. А потом сожгли.

– Сожгли на Форуме? – покачал головой Лаций. – Да, в Риме действительно творится что-то странное.

– Потом Тита Анния пытались судить, но это – не главное. Когда Пульхера убили прямо на дороге, один из рабов снял у него с шеи медальон и отдал Титу Аннию. Тот надел его себе на шею и приехал с ним в Рим. Но боги были явно против этого. Когда подкупленные простолюдины хотели судить его и убить прямо там, на Форуме, он сказал, что готов ответить за всё, но перед честным судом. Поэтому был суд. Его оправдали, но плебс не отпускал его с Ростр, требуя расправы, пока не пришли народные трибуны. Они разогнали толпу. Тит Анний сбежал и укрылся у меня. Сотни людей вышли на улицы. Они жгли и грабили дома. Говорили, что ищут убийцу Клода Пульхера. И, в конце концов, пришли ко мне. Тит Анний хотел переодеться в женскую паллу и сбежать. Вот тогда я и увидела медальон у него на шее. Мне сразу всё стало ясно. Я сказала, что боги спасут его, если он снимет его с шеи. Тит был так напуган, что сразу бросил талисман на землю. И боги пощадили его. Я сама вышла к толпе и дала слово, что у меня в доме никого нет. Они не посмели войти в мою спальню. Ушли в другой дом и разграбили его.

– Не может быть... – прошептал Лаций. – Тебе очень повезло.

– Наверное. Тит ушёл поздно ночью, а я забрала медальон себе. Тогда я впервые подумала, что надо вернуть его тебе. И впервые захотела приехать сюда... – Эмилия накиннула паллу на плечо и продолжила: – Но у Пульхера были друзья, которые знали об этом медальоне. Его мать, Метелла Балеарика, подослала одного из них ко мне, сославшись на Помпея. Якобы по его рекомендации. Как клиента. Этот хитрый арделион несколько раз приглашал к себе моих рабынь, но никого не выбирал. А потом ворвался ко мне и чуть не убил.

– Кто это?

– Его звали Серпилий Кретик. Это сын сенатора, у него соляные копи в Остии рядом с Мессалой Руфом. Я хорошо знаю его отца. Но ты его вряд ли помнишь. Какая разница? Мне опять повезло. Боги любят тебя, раз они позволили мне выжить и приехать сюда.

– Что случилось? Ты просто рассказала уже столько, что я не могу представить, что может быть ужаснее этого...

– Я сначала глупо носила медальон на шее, как Тит, поэтому Серпилий Кретик его и увидел. В тот день дома почти никого не было. Он приехал, выбрал двух рабынь и уехал. А потом вернулся и пробрался ко мне. Я не видела его. Он схватил меня за шею и чуть не задушил, но я очень сильно испугалась и стала сопротивляться изо всех сил. Я молила Афродиту помочь мне, била его по лицу и между ног. Так мне удалось вырваться. Он стал у двери и не отходил. Ждал меня там. Тогда я бросилась к окну. Но испугалась и не прыгнула. Надо было прыгать сразу! Я испугалась кустов и статуй внизу. Он схватил меня в самый последний момент, затащил

обратно и прижал к стене. Потом достал нож и ударил вот сюда, в грудь, – Эмилия замолчала, прижав палец к тому месту, где заканчивались рёбра и начинался живот. Тяжёлое дыхание мешало ей говорить. Было видно, что она заново переживает всё, что с ней произошло. Лаций сцепил пальцы и терпеливо ждал. Эмилия продолжила: – Я не успела даже подумать о богах и попросить их о помощи. Всё произошло так быстро. Но ты не поверишь... Нож попал в медальон и соскользнул вбок. Вот сюда, – она снова подняла руку и коснулась шрама. – А нож сломался о стену. Серпилий так озверел, что стал кричать и бить меня кулаками. Но я его не слышала. Это было ужасно. Ты бы видел его лицо! Как у Фурии. Не помню как, но я толкнула его в грудь, он упал, и мне удалось выпрыгнуть в окно. Что было потом, не помню. Наверное, боги хотели отправить меня в царство Орка, но почему-то передумали. Когда я открыла глаза, то увидела его мёртвым. Он прыгнул следом за мной и упал прямо на копьё.

– Копьё? Откуда оно взялось? – от удивления Лаций даже выпрямился. Такого он ещё не слышал.

– Серпилий не увидел в темноте статую греческой Афины Паллады. Её подарил мне Тит Помпоний Аттик. Привёз из Греции.

– Тит Аттик? Он привозит статуи всем патрициям в Риме.

– Да, всем. Но не всех любит. Он говорил, что такой статуи по красоте больше нет и она похожа на меня. Не знаю, может, и похожа. У неё за спиной щит, а в руке – копьё. На корабле копьё потеряли. Тит потом заказал настоящее с позолоченным наконечником в Риме. Мне тогда было всё равно. Я думала, пусть делает, что хочет. Это было давно. Два года назад. А теперь, видишь, как всё обернулось... Афина помогла, и боги решили взять в царство Орка Серпилия Кретика, а не меня. Он упал прямо на копьё.

– Это – действительно воля богов. Я принесу жертву Авроре и Марсу.

– Я уже принесла. Но после этого медальон больше не надевала. Спрятала в одежде. Его никто не видел. Наверное, именно поэтому по дороге в Брундизий на нас ни разу не напали. И в море три дня было тихо, как летом. Даже Мессала Руф удивился. Вот так... и теперь я здесь.

– Тебя хранят Венера и Минерва, – задумчиво покачал головой он.

– Наверное. Я так устала. Но теперь мне намного легче. Я всё тебе рассказала, и мне хорошо, – слабая улыбка тронула её губы, и Эмилия, накрывшись шерстяной накидкой, прижалась головой к груди Лация. Он обнял её, и они долго сидели молча, думая о превратностях судьбы и непонятной воле богов, ведущих их разными путями. В ту ночь, впервые со дня встречи в римских термах, они снова остались одни на женской половине дома, в небольшой тёплой спальне, где, согревшись под толстыми одеялами, долго целовались, ласкали и любили друг друга, а потом, не в силах заснуть, проговорили до самого рассвета, пока бог солнца Соль не разогнал на небе ночные полчища звёзд и богиня ночного света Луна не отправилась вместе с поверженными воинами в царство тьмы. Лишь тогда Морфей окутал их своим волшебным покрывалом, погрузив в сладкие сны, где Лаций и Эмилия, подобно богам, парили над землёй, взявшись за руки и улыбаясь облакам и солнцу.

ГЛАВА ЛЮБОВЬ И ОРУЖИЕ

Две недели пролетели, как один день. Эмилия с удовольствием слушала рассказы Лация об иудейских храмах и садах Палестины, о финикийских торговцах и красивых пейзажах между городами Тиром и Сидоном и, конечно, об оружии. Она даже уговорила Лация взять её с собой на рыночную площадь, где торговали своими изделиями мастера из разных городов. Там, по словам его друзей, скоро должны были продавать свои мечи сирийцы, которые делали их лучше всех. Однако те не приехали, зато на третий день, когда Лаций уже отчаялся найти что-нибудь подходящее, Эмилия вдруг заметила одного оборванца, который сидел рядом с кузницей и не был похож ни на торговца, ни на ремесленника. У него на коленях лежал красивый длинный меч. На земле, в тени фигуры, прятались железные ножны. Это было странно, потому что оружие обычно так не продавали.

– Кажется, это – очень красивый меч, – тихо прошептала она и улыбнулась хитрой улыбкой, полной любви и нежности. Лаций кивнул в ответ и с сожалением покачал головой, чувствуя, что с трудом может оторваться от её глаз, потом приказал слугам подождать и подошёл к неподвижно сидевшему продавцу.

– Твой меч? – спросил он, с первого взгляда оценив качество клинка. Мужчина в длинной серой накидке и таких же штанах, не спеша поднял глаза и окинул его внимательным взглядом. На нём не было обуви, хотя ноги не были стёрты и на коже не были видны следы от ходьбы по камням. – Ты продаёшь его? – ещё раз спросил он молчуна. Тот кивнул и медленно протянул ему клинок и ножны. На них был нанесён тонкий рисунок, и уже одно это говорило о том, что это было не простое оружие, а ценный подарок. – Сколько? – коротко спросил Лаций, перекинув меч из одной руки в другую, не в силах оторваться от треугольных насечек по всей длине лезвия. Затем сделал несколько взмахов и с удивлением заметил, что рукоятка удобно лежит в руке и клинок не кажется тяжёлым. Взяв у одного из сопровождавших его ликторов палку, он без усилий разрубил её прямо в воздухе. Лезвие разрезало её, как стебель травы.

– Нравится? – тихо спросил продавец.

– Да, – ответил Лаций с удовольствием. – Сколько?

– Десять монет, – задумчиво произнёс хозяин и погладил ножны.

– Десять?.. – вырвалось у Лация от удивления. – Хорошо... А почему продаёшь? – ему стало интересно, откуда у такого неказистого человека такой роскошный меч.

– Деньги нужны, – ещё тише ответил босоногий незнакомец.

– Этот – не его меч, – раздался голос другого человека. Вытирая грязные руки о фартук на животе, к ним подошёл старый мастер из находившейся рядом кузницы. Он со знанием дела покачал головой. – Это – меч его отца. Он с Тиграном Великим воевал. Хороший меч! Очень хороший. Но, видишь, у него четыре дочери и один сын. Жена недавно умерла. Любил её очень. Красивая была и работающая. Теперь ему совсем трудно. Сапоги продал. И всё равно всем должен. Остались только дочери. Совсем маленькие. За них много не дадут. Верблюда у него украли, склада нет, торговля не пошла. Зато меч остался. Хороший. От отца.

– А сколько твой отец отдал за него? – спросил Лаций.

– Не знаю. Говорил, что Тигран подарил после битвы.

– Да, такие вещи сейчас не делают, – снова вставил своё слово старый кузнец. – Наверное, железо в крови закаляли. Точно в крови. Видишь, как гнётся и не ломается! – он согнул лезвие почти пополам и снова со знанием дела покачал головой.

– Первый раз такой вижу! – с удивлением хмыкнул Лаций. – Как тебя зовут? – спросил он попавшего в беду хозяина меча.

– Сахиб, – пробормотал тот.

– Слушай, Сахиб, вот тебе десять монет. За мечом пришлю слугу. Позже.

– Благодарю тебя, щедрый римлянин! – став на колени, поклонился продавец. – Ты спас меня. Теперь хватит, чтобы накормить дочерей и расплатиться с долгами!

– Хорошо, хорошо, только не кричи об этом на весь базар, – негромко произнёс Лаций и, похлопав несчастного отца по плечу, направился прочь. На торговую площадь он так и не вернулся, только отправил ликтора сказать, чтобы продавец оставил себе деньги и никогда больше не продавал этот меч. Эмилия долго не могла понять, почему он был так задумчив, но когда услышала историю Сахиба, так расчувствовалась, что не смогла сдержать слёзы и нежно обняла Лация за плечи. Ещё никогда она не любила его так, как в этот момент, и готова была остаться с ним в Азии, если бы он только попросил.

Однако на следующее утро ликторы сообщили Лацию, что у входа в дом его ждёт вчерашний продавец меча. Когда того привели, он долго благодарил его, а затем попросил пойти с ним к одному кузнецу на окраине города, который мог бы сделать для него такой же меч. Кузнец, по его словам, приехал сюда несколько лет назад из новой римской провинции Галатии⁶ и владел тайнами древних мастеров. Он изготавливал мечи, которые могли рубить металл и камень. Эмилия ещё спала, и Лаций с двумя ликторами отправился на окраину города. Там он познакомился с невысоким жилистым кузнецом по имени Хазор и, перепробовав все его мечи и ножи, с удивлением заметил, что они действительно были очень хороши. Вернувшись к Эмилии, он с восторгом стал рассказывать ей об этом мастере.

– Мы разговорились с ним о мече, и он знает не меньше меня! Ты представить себе не можешь, какой это мастер! Он понимает меня с полуслова, – восхищённо говорил Лаций.

– А я? – шутливо спросила Эмилия.

– Ты? – он на мгновенье замолчал, сбитый с толку её кокетством, но потом ответил так, чтобы она не обиделась: – Ты понимаешь меня не с полуслова, а с полувзгляда. Это даже быстрее, чем стрела Купидона. Хотя, порой, ты понимаешь меня даже без взгляда, – он красноречиво вздохнул и закатил глаза вверх, изображая блаженство. Эмилия весело рассмеялась и стала игриво бить его веером по плечам.

Когда они подъехали к кузнице, все мужчины и юноши стали оборачиваться и показывать на них, провожая Эмилию удивлённо-восхищёнными взглядами. Женщины здесь одевались совсем по-другому и не появлялись в бедных кварталах в носилках, да ещё открытых. У кузницы, которая располагалась в дальнем конце улицы, собралась небольшая толпа. Люди больше глазели на открытое лицо Эмилии, чем на Лация и кузнеца Хазора.

– Как-то он молодо выглядит, – одними губами прошептала Эмилия и улыбнулась, чтобы никто не услышал.

– Да что ты! Настоящий мастер! Ему много лет! – уверенно ответил Лаций. – Смотри, у него есть интересный меч из Галатии. Он на конце тяжелее, чем у рукоятки.

– Да? Ну и что в этом такого? – она с сожалением наблюдала, как у него при виде оружия загорались глаза и он полностью преобразался, воодушевляясь и, к сожалению, становясь неподвластным ей. – Ты больше любишь свои мечи, чем меня, – ревниво проворковала она ему на ухо, когда Хазор отошёл за очередным клинком.

– Не преувеличивай, – ответил Лаций, – боги дают нам возможность воевать и пахать землю, а не проводить весь день в молитвах, как жрецы. А о тебе я всегда помню вот здесь, – он приложил ладонь к груди и улыбнулся. Эмилия польщено опустила взгляд. Но через мгновение он уже смотрел не на неё, а на Хазора – тот с лёгкостью перерубил висевшую на воротах верёвку. Лаций, не отводя взгляда, шепнул: – Смотри, в ближнем бою этот меч бесполезен. Его неудобно держать, он оттягивает кисть, – Лаций взял у кузнеца меч и вытянул руку вперёд, показывая, как она двигается вправо и влево. Эмилия с грустной улыбкой наблюдала за ним. –

⁶ Галатия – страна в центральной области возвышенности Анатолии (современная Турция). Жители Галатии представляли собой смесь кельтов с греками.

А теперь – так! Вот, смотри на удар сверху! Этот меч особенно силён, когда его вращаешь из стороны в сторону, по кругу. Тогда тяжёлый конец может разрубить даже лошадь. Надо немного привыкнуть к рукоятке. Она – маленькая. Но можно заменить на более удобную, – Лаций не видел лица Эмилии, он был весь занят вращением меча. – Если сесть на лошадь, то всё, смерть любому врагу! Представь, что это молния Юпитера! От человека ничего не останется. Вот! Я попросил Хазора сделать такой же для меня. Там – очень интересное железо. Меч гибкий и твёрдый. Но не тупится от ударов. Смотри, нет желобков и царапин. Просто ровная поверхность. Как вода в бассейне. И острое, очень острое лезвие. По всей длине. Мы ещё не пробовали ударить лезвие в лезвие. Но, думаю, он мог бы перерубить простой римский меч. Да... – Лаций остановился, представляя, как перерубает железо, а Эмилия только покачала головой. Она взяла его за локоть, но он машинально кивнул и продолжил: – Сейчас, сейчас. Кузнец ещё предложил мне сделать пару кинжалов с таким вот длинным острым концом. Для метания. Говорит, что с тяжёлым лезвием нож должен лететь лучше, – он поднял восторженный взгляд на Эмилию, но, заметив выражение её лица, запнулся. – Прости, тебе это не очень интересно...

– Нет, почему же, интересно. Я бы хотела стать твоим мечом, чтобы ты любил меня так же, как своё оружие.

– Эх, женщины, – вздохнул Лаций. – Прости, Хазор. Приду завтра. Лучше с утра. Обсудим накладку на затылке потом. Сейчас, похоже, не до шлема... Ты пока приготовь пластины, – с кислым выражением лица закончил он.

В этот момент в толпе кто-то громко крикнул, то ли выражая свой восторг, то ли ещё что-то, и конь Лация, который слуги привязали к столбу у кузницы, испугался и резко дёрнулся в сторону. Но вокруг было так много людей, что они практически прижались к животному вплотную. От его неожиданного рывка несколько человек полетели в пыль, кто-то закричал от боли, и конь, ещё больше испугавшись, вырвал из земли деревянный кол. Тот зацепился за открытые ворота кузницы, и они с грохотом рухнули вниз. Стена дрогнула, на сухую холодную землю посыпались лепёшки твёрдого навоза и сена, куски глины и кучи мусора, из которых строились почти все дома бедняков. Этот, видимо, был построен очень давно, поэтому и оказался таким ветхим. Зеваки кинулись в разные стороны, началась паника. Четырёх ликторов Лация снесли вместе с носилками за считанные мгновения. Деревянная балка над проёмом у входа угрожающе повисла в воздухе – она соскочила с опоры и могла упасть в любой момент. Он бросился туда и поднял её вверх. Внутри дома кто-то громко застонал. Лаций не видел, как Эмилия, услышав этот стон, бесстрашно поспешила вглубь, к стене.

– Эй, Хазор, ты где?! – крикнул Лаций. – Дай бревно или палку! Быстрее! Где ты? Я не удержу!

Но вместо улыбчивого и словоохотливого Хазора рядом вдруг появился сморщенный старик с редкой бородкой и сухим вытянутым лицом. В руках он держал длинные тонкие жерди. Висевшая в воздухе пыль попала Лацию в глаза и нос. Он не мог говорить и только фыркал и чихал, стараясь не выпустить из рук большое бревно. Старик тем временем стал подпирать балку хлипкими, как казалось Лацию, палками, пока они не превратили весь проход в клетку. После этого незнакомец похлопал его по спине и сказал на греческом:

– Отходи. Не упадёт. Десять тонких палок выдержат одну толстую.

– Ты кто? – спросил Лаций, но его вопрос остался без ответа. Старик направился вглубь кузницы, где была видна светлая палла Эмилии. Лаций последовал за ним, подозрительно покосившись на жерди. Но тяжёлая балка оставалась неподвижной. Когда он подошёл к старику и Эмилии, те стояли на коленях возле пожилой женщины. Она лежала на земле и громко охала. Правая нога была неестественно вывернута внутрь.

– Кто это? – снова спросил Лаций, но вместо ответа услышал, как женщина что-то говорит, обращаясь к мужу и показывая на него пальцем. Тот повернулся и посмотрел на Лация.

– У неё сломана нога. Ниже колена, – сказала Эмилия. – Наверное, этот камень упал на ногу, – она показала на высокий тёмный кусок известняка, который лежал рядом. Эмилия коснулась колена женщины, и та вскрикнула. Подоспевшие слуги переложили её на большой кусок ткани и вынесли из дома. Когда они проходили под балкой, Лаций зацепил одну жердь ногой и в ужасе замер, но старик буркнул ему:

– Иди, иди. Не стой! Выдержит...

На улице сразу же подбежал Хазор. Он что-то причитал и кричал, тыча пальцем в Лация и показывая на небо, но старик одним резким словом прервал его, и тот замер, как изваяние.

– Что там? Только нога? – спросил Лаций.

– Да. Крови нет, – тихо ответил старик. – Я посмотрю сам. Это – моя жена. Отойди!

– Хорошо, как знаешь, – он отошёл в сторону и огляделся. Потом подхватил упавшую жердь и разломал её на короткие палки.

Пожилой незнакомец о чём-то поговорил с женой и после этого разрешил Эмилии осмотреть её рану. Там была неглубокая царапина и большое тёмное пятно. После недолгих пререканий Лаций объяснил, что надо срочно приложить две палки по бокам. Обмотать их пришлось платком Эмилии и несколькими кожаными ремешками, которые быстро принёс из кузницы Хазор.

– За ней надо смотреть каждый день. Я пришлю специальное масло. Оно поможет. Кровь отойдёт. Пятна не будет. Но надо лежать. Это будет долго. Трогать её нельзя, – сказала Эмилия старику. Тот поджал губы и прищурился.

– Эй, Хазор, её надо положить на ровное место. Не разрешайте ей ходить. Слышишь? – крикнул Лаций.

– Говори мне. Я тебя слушаю, – прервал его старик. – Меня тоже зовут Хазор. Это – мой сын.

– Твой сын? – удивился Лаций. – А кто ты?

– Я – кузнец. А он мой сын. Тоже кузнец. Только он ещё учится. Приходи завтра, я сделаю для тебя меч.

– Но ведь он уже сделал мне отличный меч и ножи... – пробормотал Лаций.

– Смотри! – старик принёс сделанный сыном меч и пару ножей. Потом достал грубый чёрный клинок и несколькими ударами разрубил их на куски. Лаций от удивления даже открыл рот. – Приходи завтра, – коротко бросил тот. – Сейчас надо поставить ворота.

– Хазор, – вдруг вмешалась в разговор Эмилия. – Это наша лошадь сломала ворота и стену твоего дома. Прими от нас несколько монет в знак помощи. Они помогут тебе построить новую кузницу, – с этими словами она протянула старому кузнецу небольшой мешочек, и тот, поколебавшись, взял его, но в ответ так ничего и не сказал. Мужчины здесь редко разговаривали с женщинами на улице. Эмилия вздохнула и решила спросить ещё: – Скажи, а что говорила твоя жена там, внутри, когда показывала на него? – она кивнула на Лация. Старик поджал губы, опустил глаза и ответил:

– У него знак силы. Эта сила сломала наш дом, – он показал на кожаный ремешок у Лация на шее. – У него есть знак на плече. Как на медальоне. Медальон – это власть. Он охраняет сокровища. Кто носит медальон и знак на плече, тот сильный и богатый.

– Ох, и ты туда же! Какая власть? Какие сокровища? – криво усмехнувшись, произнёс Лаций. Затем перевёл взгляд на Эмилию. – Вот моё сокровище!

– Нет, не она, – упрямо возразил кузнец. – Золото. Много золота. Медальон охраняет золото.

– Ладно, золото – значит, золото, – со вздохом согласился Лаций, чтобы не спорить. – Ты бы лучше сказал, где оно. А то все говорят одно и то же, а на самом деле ничего нет.

– Приходи завтра! – недовольно буркнул Хазор. – Меч будет завтра.

– Мы придём вместе, – ответил Лаций. Старый кузнец повернулся и пошёл в дом.

На следующий день они приехали к кузнице около полудня и не поверили своим глазам: рухнувшая стена была почти полностью восстановлена, а рядом со входом лежали доски для новых ворот. К вечеру всё должно было быть готово.

– Как ты быстро работаешь! – искренне похвалил его Лаций.

– Это – не я, а золото твоей женщины, – всё ещё хмуро, но уже менее сурово ответил тот. Они прошли в небольшое помещение рядом с кузницей, где лежала его жена. Она с улыбкой посмотрела на Эмилию и что-то сказала мужу. Тот переспросил и повернулся к ним.

– Что она говорит? – взволнованно спросила Эмилия.

– На тебе тоже есть знак силы. Его медальон оставил на тебе след, – ответил старик. Эмилия удивлённо посмотрела на Лация. – Он у тебя на боку, там! – кузнец показал на рёбра.

– Это – шрам, – изумлённо прошептала Эмилия. Женщина кивнула и что-то добавила.

– Два знака силы не могут жить вместе. Твой мужчина – сильный. Ты должна стать слабой. Эта слабость уже внутри тебя.

– Я ничего не понимаю, – Эмилия нахмурила брови.

– Я – тоже, – пожал плечами Лаций.

– В тебе есть и сила, и слабость. Ты скоро узнаешь. Тебе надо сходить в свой храм и принести жертву богам.

Больше жена Хазора ничего не сказала, а сам кузнец пообещал сделать Лацию такой меч, который будет крепче любого металла.

– Только камни рубить не сможет, – добавил он.

Вернувшись в дом, Эмилия загрустила, и Лаций никак не мог её развеселить.

– Тебе не кажется странным, что все знают об этом медальоне, кроме тебя? – задумчиво спросила она.

– Не кажется. Потому что это – кусок дерева, а не золота.

– От которого гибнут люди, – тихо заметила Эмилия.

– Да, это – правда. Но к золоту это не имеет никакого отношения, поверь. Я бы знал. Отчим ничего не говорил о знаке на плече. А медальон мне дали в другом месте. Так что тут ничего общего, – Лаций уже устал думать о странностях висевшего у него на шее амулета. Для него будущее богатство и благополучие были связаны с армией Красса и тем золотом, которое тот обещал. Медальон пока ничего, кроме проблем ему не принёс, поэтому лучше было о нём не вспоминать.

Но на следующий день в порт приехали Кассий и Октавий, поэтому он вынужден был оставить Эмилию на некоторое время одну. Та, воспользовавшись случаем, решила принести жертву своим богам-покровителям и провести гадание. Два жреца-фламина согласились ей помочь. Когда глубокой ночью всё закончилось и они вынесли последние угли из гадальных урн, она вернулась в свою спальню и свернулась калачиком под большим одеялом. Лаций не приехал, поэтому эту ночь она провела одна. Месяц близости с ним оказался самым приятным временем в её жизни. И расставаться с этим ощущением Эмилии не хотелось. Поэтому она хотела узнать у жрецов, сможет ли это счастливое время повториться? Однако фламины сообщили ей совсем другую новость. И для неё она была важнее, чем для Лация. Теперь весеннее безоблачное счастье превратилось для неё в сладкую муку, воспоминание о котором заставляло сердце сжиматься от горячей любви, а знание о будущем вызывало горькую боль и отчаяние.

«Неужели правда?» – крутился в голове один и тот же вопрос, и впервые в жизни Эмилия не знала, что делать дальше. А принимать решение надо было очень быстро.

ГЛАВА НЕЛЁГКИЙ ВЫБОР

Худая, сутулая фигура Гая Кассия, размахивавшего руками и что-то отчаянно объяснявшего розовощёкому Октавию, который хмурился и только вздыхал, иногда поддакивая и соглашаясь, раздражение на их лицах и неловкое напряжение – всё это было для Лация неново. Они в очередной раз обсуждали, что может придумать непредсказуемый Марк Красс. Они предлагали консулу сменить лагерь, пойти в Армению, спуститься вниз по Евфрату, но любое их решение упиралось в его нежелание уходить с этого места. Золото текло рекой, и консул пока не спешил от него отказываться. Хотя не отказывался и от войны с Парфией. И эта неопределённость действовала на всех удручающе. Потому что тот действительно мог изменить своё решение в течение одного дня, если не быстрее. И будущее это подтвердило.

– Где был? – спросил Октавий, увидев приближающегося Лация.

– У консула. Марка Валерия Мессалы Руфа.

– Слышали. Причём, давно. Всё отдыхаешь? Не слишком ли долго? Смотри, вдруг ты ему понравишься! – съязвил Октавий.

– Вряд ли, – ответил за него Кассий. – Сенатор любит мальчиков и юношей. Из других народов. Римлян почему-то не жалуется.

– А ты откуда знаешь? – Октавий изобразил наигранное удивление. — Был опыт?

– Прекрати! – Кассий недовольно нахмурился. Затем в его глазах проскользнула искра иронии. Он погрозил легату пальцем в тон ему ответил: – Мы с тобой уже столько времени провели вместе, что давно должны были стать любовниками. Но ты – не в моём вкусе! Нудный и противный.

– А Лаций? Наверное, тебе нравится Лаций, раз я – уродец, – Октавий скривил лицо.

– Лаций не нравится. Слишком много мышц и упрямства, – окинув оценивающим взглядом боевого товарища, произнёс Кассий. – Всё время занят своим оружием. То пояс ему не тот, то пластины не на том месте, то нагрудник жёсткий, то меч тяжёлый. Скоро даже свой любимый шлем поменяет.

– Ты – прав, – кивнул Лаций. – Поменяю.

– Вот, видишь, какой он стал! – улыбнулся Кассий и потрепал его по плечу. – Денег не жалеет. А квестор должен всё оплачивать! Как тут быть? Ладно, скажи, ты нашёл мастера для шлема? – спросил он. – Здесь тебе не Рим. Никто не предложит сто мечей и шлемов на выбор.

– Да, нашёл. Хороший мастер... – вспомнив о старом Хазоре, ответил Лаций. – Сделать пока не успел. Сказал, неделю надо. Потом покажу. Сейчас я немного занят.

– Ничего себе! – воскликнул Октавий. – И что же тебе мешает? Или кто-то? Кто посмел прислать Купидона со стрелами к нашему другу? – он с пониманием посмотрел на квестора Кассия, и тот подмигнул ему в ответ.

– Только не говори, что это – женщина, – поднял вверх брови Гай Кассий.

– Почему нет? Что в этом плохого? Даже не знаю, как вам объяснить, – замялся Лаций и виновато улыбнулся. – Голова всё понимает, а вот тут, – он показал на грудь, – всё огнём горит. Увижу её, и всё, конец.

– О, дружище, кажется, ты действительно попал в сети Купидона. Причём он постарался не один, а вместе со своей матушкой Венерой, – с издёвкой произнёс Октавий. – Заманили они тебя и подстрелили. И даже не стрелой. А молнией. Украли у Юпитера самую большую молнию и сразили наповал! Пропал легат! – Октавий обратился за сочувствием к Кассию. Но тот был серьёзен.

– Говорят, она уедет через несколько дней, – Кассий пристально посмотрел на него и добавил: – Может, это и к лучшему.

– Да, уедет. Откуда ты знаешь? – удивился Лаций.

– Ха, а кто же этого не знает? Тебе осталось только всех легионеров ночью в город пригласить, чтобы ещё послушать её вздохи. О ваших встречах и прогулках уже давно всё известно. И как ты дома рушишь, и как потом местный плебс лечишь.

– Ты серьёзно? – Лаций был удивлён, но не очень сильно. Октавий был прав – его наверняка видели вместе с Эмилией во многих местах.

– Послушай моего совета, – обратился к нему Кассий, – не говори ей ничего о своих чувствах. Попрошайся завтра и сделай вид, что даже не помнишь. Поверь, будет намного легче. И лучше...

– Ты шутишь? – удивился Лаций.

– Нет, – Кассий был серьёзен. – Эмилия Цецилия свела с ума десятки мужчин. И очень сильных, и очень богатых. Вот только бедные ей не нужны.

– Это – точно! – подтвердил Октавий. – Прости за подробности, но я два года назад видел, как за ней со слезами на глазах бегал сам Марк Катон! И знаешь почему? Она не хотела с ним общаться, потому что он не стал сенатором и не служил у Помпея. Представляешь? Так и сказала: «Как мы можем встречаться с тобой, Марк», – подражая голосу Эмилии, нежно протянул Октавий, – «если ты не можешь защитить меня от ночных бандитов? У тебя же нет даже своего дома. А мне нужен бассейн. Маленький фонтанчик у тебя во дворе скорее похож на тазик для ног, чем на усладу для тела. Говорят, ты даже в термы не ходишь и просто пудришь лицо», – Октавий от смеха закашлялся, схватился за грудь и покраснел.

– Да, я тоже слышал об этом, – подтвердил Гай Кассий. – Причём, жена Марка, Сестерция, приняла эти слова как подтверждение их тайной связи. После этого сына Катона целый месяц не было видно. Говорят, лечился от побоев ревнивой жены. Ты ведь служил в Квинтом Цицероном в Галлии у Цезаря, так?

– Да, – кивнул Лаций.

– Он тоже предлагал ей выйти за него замуж и стать матерью его детей. Представляешь?

– Но я пока не собираюсь жениться, – пробормотал Лаций, хотя в душе очень этого хотел. Он опустил взгляд, чувствуя, что впервые в жизни краснеет.

– Естественно! Где найти столько золота? – продолжал давить на больное место Октавий. – Если она таким денежным мешкам отказывает! Кстати, никто её так и не смог приручить, кроме Мессалы Руфа. Говорят, он её единственный любовник.

– Он не любовник, – покачал головой Лаций. – Это – точно. Я знаю.

– А чего тогда так переживаешь? – спросил Кассий.

– Не знаю. Она... она – очень красивая и понимает меня.

– Лаций, похоже, ты пропал...

– Наверное, да, – опустил глаза он, благоразумно решив больше не рассказывать товарищам о своих чувствах.

– Послушай, у тебя сейчас проблем больше, чем надо – нет ни дома, ни имени, ни денег. Надо как-то уладить дело с судом и смертью Клавдии Пизонис, – жёстко и беспощадно рассуждал Кассий. Лаций не стал спорить. Тот продолжил: – Сейчас тебе надо накопить достаточно денег, чтобы нанять хорошего адвоката и свидетелей в Риме. Доказать твою невиновность будет сложно. Придётся её покупать. Поэтому унижаться перед Эмилией не стоит. Не обижайся! Прими мои слова, как слова друга.

– Я не обижаюсь. Но почему унижаться? Я не собираюсь ей ничего обещать.

– Ну тогда прости! Считай, что мы погорячились. Просто нам всем показалось, что ты попал в ловушку и не можешь из неё выбраться из-за денег. Мы думали, что тебе нужны деньги Эмилии. Ладно, тогда поехали в лагерь! У Красса там какие-то новые желания, – сказал он и встал. Уже тогда Лацию бросилась в глаза эта черта Гая Кассия – практичность. Этот молодой и способный квестор всегда и во всём стремился добиться ясности и чёткости. Его всегда раз-

дражали пустая трата времени и пустословие. Размышляя над этим, Лаций невольно поймал себя на мысли, что этими качествами Гай Кассий очень напоминал ему Юлия Цезаря, только моложе и беднее, а потому – вспыльчивее и резче.

В лагере Лация сразу вызвали к Крассу. Как оказалось, консул тоже хотел поговорить об Эмилии. Обычно тщательно приглашенные седые волосы консула были на этот раз взлохмачены, брови сошлись на переносице и на лице застыло непонятное напряжение.

– Садись, – без приветствия сказал он.

– Благодарю тебя, – Лацию бросилось в глаза, что Красс даже не посмотрел на него, расхаживая по палатке и нервно теребя подбородок.

– Ко мне тут заходил Марк Валерий. Говорит, что у него есть для тебя хорошее место на Сардинии. Его связи помогли бы тебе с назначением в Сенате. Ну а проблемы в суде он сам решит, – Красс замолчал, но выражение лица у него не изменилось. Какая-то мысль по-прежнему не давала ему покоя.

– Что значит, сам решит? – не понял Лаций.

– При помощи денег.

– И что я должен сказать? – спросил он.

– Хочешь ли ты уехать через два дня в Рим и стать наместником на Сардинии? – открыто спросил Красс.

– Наместником?! – Лаций удивлялся всё больше и больше. – Я ничего не понимаю. Здесь что-то не так. Зачем Мессале Руфу беспокоиться о моей судьбе? Он мог бы назначить туда своего сына или одного из своих этих... э-э, как бы это сказать... – Лаций замялся.

– Мальчиков? – подсказал Красс с презрительной усмешкой.

– Да.

– Дело в том, что своего сына он хочет назначить наместником на Сицилии. Ну и ты прав, Марку Валерию действительно до тебя нет никакого дела. Его просто попросили. Причём, настойчиво. Надеюсь, не надо говорить, кто. Ты и сам догадываешься, – Красс поднял глаза на Лацию, и тот в замешательстве отвёл взгляд в сторону. Но консул, казалось, не обратил на это внимание.

– Но я же не просил... – запнулся он.

– Я дам тебе совет, – решительно произнёс Красс. – А ты решай, что делать. У тебя нет сейчас дома и имения. У тебя пока мало собственных средств. Пока ещё никто не знает о Парфии и Индии. Когда мы придём туда, будет другое дело, ты станешь богаче половины римских сенаторов. Но сейчас ты – беден, прости за правду, никому не нужен. Сардиния – прекрасный вариант. Надёжный и стабильный. За пару лет сможешь извлечь оттуда достаточную сумму, – консул вздохнул и о чём-то задумался. Лаций тоже молчал. Уже второй раз за день ему говорили о сложном положении, поэтому сейчас надо было понять, что это значит. Какой знак посылают ему всеильные боги? Или не боги? Что от него хотят?

Консул, тем временем, продолжил:

– Эмилия Цецилия – очень обеспеченная женщина. Но это сегодня. А через год или два, не говоря уже дальше, её имение тоже может постигнуть неурожай или засуха, как запад Италии два года назад. Деньги под процент она не даёт, торговлей не занимается. А на подарки от богатых покровителей долго не проживёшь. Кстати, с ней сейчас пытается наладить связи Помпей. Поэтому мой тебе совет: постарайся сделать так, чтобы она не рассчитывала на тебя в будущем, – Красс замолчал. Эти слова решили всё. Лаций мог пойти против Красса, но тот спас его в порту Брундизия, взяв с собой в Азию. Эмилия тоже спасла его, но, в отличие от Красса, не могла обещать надёжное будущее, славу, победы, деньги и место в Сенате – всё то, ради чего он жил и готов был пожертвовать жизнью. Зачем было становиться простым наместником на Сардинии? Ведь тогда все будут обсуждать его неудавшееся прошлое и никчемное настоящее. Мог, но не сумел. Нет, выбор был очевиден.

– Я всё понял, консул, – твёрдым голосом ответил Лаций. – Я не поеду с сенатором в Рим и Сардинию. Я останусь здесь.

– Парфия, Парфия, а потом – Индия. Да, ты прав, это не Сардиния! Надеюсь, что это твоё собственное решение, а не моё давление? – на всякий случай спросил Марк Красс.

– Да, это – моё решение. Я не гонюсь за попутным ветром и ценю твою помощь.

Лаций вышел из палатки консула и некоторое время стоял на месте, подставив лицо холодному ветру. Эмилия уезжала через два дня. И ему надо было поговорить с ней об этом до отъезда.

ГЛАВА ПРОЩАНИЕ С ЭМИЛИЕЙ

На следующий день она ждала его в беседке у фонтана, кутаясь в большую тёплую накидку. Рядом стояли две рабыни с корзинками и водой. Лаций осторожно присел на край скамейки, не решаясь начать разговор первым.

– Идите! – кивнула служанкам Эмилия и повернулась к нему. – Ты сделал свой шлем? – стараясь скрыть грусть в голосе, спросила она.

– Шлем? – он был так удивлён, что на мгновение забыл, о чём хотел поговорить, и нахмурился. Грустная улыбка и опущенные уголки глаз сразу же напомнили ему о разлуке, и Лаций, не выдержав, стыдливо отвёл взгляд в сторону.

– Ты хотел сделать шлем у кузнеца, в городе. Помнишь? – каким-то неестественно тихим, покорным голосом спросила Эмилия, и он понял, что ей тоже не хочется говорить о расставании.

– Я вчера долго думал, как поговорить с тобой об этом, – решил сразу начать с главного он. – Дело в том, что Марк Красс предложил мне вчера уехать в Рим... с сенатором Мессалой Руфом. Тот обещал добиться для меня какой-то должности на Сардинии. Обещал решить все проблемы в суде... – в горле запершило, он запнулся, чувствуя, что говорит совсем не о том. – Но я не хочу уезжать. У меня нет сейчас ни дома, ни имения, ни денег, чтобы вернуться в Рим. Сардиния – это болото, понимаешь? Что там делать? Только собирать оливки, ловить рыбу и получать из Рима заказы на хлеб и вино?

– Лаций, – спокойно произнесла Эмилия, – ты это хотел мне сказать? – она замолчала. В воздухе повисла неудобная тишина. Совсем рядом ехала какая-то повозка, и непослушный осёл не хотел везти тяжёлый груз. Хозяин ругался и отчаянно бил животное. Ишак в ответ громко орал и не двигался с места. Лаций в душе ругал себя самыми последними словами, но чувствовал, что не может говорить об их отношениях. Он поднял взгляд на Эмилию, и та увидела в них отчаяние. Она сидела прямо, сложив ладони на коленях. Густые волосы были собраны на затылке в простой узел. Чёрные брови, эти чёрные брови, с которых он не раз стирал краску, чтобы, шутя, испачкать ей щёки, сейчас изогнулись над печальными глазами тонкой дугой страдания и боли.

– Нет, не это, – пересилив себя, наконец, тихо произнёс он. – Я думаю о тебе всё время. И мне без тебя плохо. Я бы хотел, чтобы ты сказала мне: «Где ты, Гай, буду и я, Гайя». Но у меня нет даже дома, где ты могла бы произнести эти слова! Понимаешь? Я не могу вернуться в Рим вот так, как побитая собака, – со вздохом произнёс он. – Я всё знаю. Это ты попросила Мессалу Руфа помочь мне. Но я не хочу такой помощи. И твоей помощи – тоже, – в его голосе невольно прозвучало раздражение. – Не знаю, почему. Но не хочу. Я вернусь в Рим с Крассом, а не с тобой. И ещё... ещё я не хочу быть твоим любовником. Я хочу быть твоим мужем, и мне плевать, что будут об этом говорить.

– Лаций, я тебя ни в чём не виню. И ни о чём не прошу, – покорно произнесла она. Нежная улыбка тронула губы Эмилии, и в глазах засветилось счастье. – Почему ты оправдываешься? Я боялась, что ты соврёшь и не скажешь это, – её голос звучал беззащитно и нежно. Лёгкие оттенки бархатной хрипотцы были едва слышны, и его снова потянуло к ней. Эмилия как-то странно улыбнулась и сложила руки на животе. Внезапно по её лицу промелькнула тень, и, взяв Лация за локоть, она тихо произнесла: – Я была в храме, а потом жрецы провели для меня ауспиции.

– И что? – напряжённо спросил он, предчувствуя неприятные новости. Гадания всегда вызывали у него настороженность и волнение.

– Я скажу тебе ровно половину. Если ты вернёшься в Рим, то я скажу тебе: «Где ты, Гай, буду и я, Гайя». Обещаю тебе! Ты будешь самым счастливым мужчиной в мире! Но только вернись!

– Что за чушь! Почему ты так говоришь?

– Потому что жрица в храме Изиды сказала, что в Красса вселился бог жадности и он приведёт его к гибели.

– Это можно было сказать и без пророчества, – недовольно пробурчал Лаций.

– Наверное, да. Но ещё она сказала, что один человек победит всё римское войско за один день. Совсем скоро. В живых останутся единицы. Поэтому я и прошу тебя быть осторожным.

– Это – невозможно! Жрица ошиблась! Ты знаешь, что такое сорок тысяч человек? Кто их здесь может победить? Кто? В Азии нет такой силы? Не то что силы, здесь просто нет столько людей. Ни в одной армии. Поверь мне...

– Ты меня не слышишь, – Эмилия положила руку ему на плечо. – Я прошу тебя вернуться живым.

– А что сказали жрецы по ауспициям?

– Они сказали, что мы больше никогда не увидимся. Ты должен это знать. Вот видишь, я рассказала тебе почти всё. Но я хочу, чтобы ты вернулся! Ты слышишь?

– Да. Но что они предсказали?

– Что Квирин накажет Красса и весь его род. Что Квирин заберёт Красса к себе и никто никогда не найдёт его ни живым, ни мёртвым. Они сказали, что его ждёт чёрное золото.

– Бр-р-р, – передёрнулся Лаций. – Чёрное золото? Как-то всё мрачно и неприятно.

– Поэтому я и прошу тебя быть внимательным. Ты слышишь? Может, ты всё-таки изменишь своё решение?

– Что, что я могу тебе обещать? Ведь я – воин! – он покачал головой и замолчал, чувствуя, что ему действительно нечего сказать. Интуиция подсказывала, что боги пытаются предупредить его о чём-то опасном, но он уже настолько запутался во всех их предзнаменованиях, что не хотел больше об этом думать. – Прости, я останусь здесь.

– Наверное, ты – прав. Но мне всё равно было очень, очень хорошо с тобой. Даже когда ты рассказывал о мечях и кинжалах, – со вздохом произнесла Эмилия, как будто приняла в глубине души какое-то важное решение. – Пусть они тебя берегут! Берегут для меня, – она подняла на него полные слёз глаза, и Лаций увидел, что там поселилась тоска. – Завтра мы отплываем. Я поеду с Мессалой Руфом. Не надо приезжать к кораблю. Думаю, в этом больше нет необходимости. Мне будет больно видеть тебя на берегу, – она поджала губы и опустила голову. Лаций набрал воздух, чтобы ответить, но не смог найти правильные слова.

– Подожди! – он схватил её за руку и крепко сжал.

– Мне больно, не надо, – Эмилия потянула руку к себе. – Я не рассказала тебе ещё одну новость. Наместник на Сицилии отдал свою жену Виргинию под суд из-за измены с вольноотпущенником и слугой Красса. Ты должен был его знать. Его звали Оги Торчай.

– Оги? И что дальше? – с замиранием сердца спросил Лаций.

– Да, я знаю, что он был твоим другом, – с сочувствием произнесла Эмилия, и Лаций с удивлением заметил в её голосе эту новую интонацию. – Он пошёл на смерть из-за любви... к жене наместника на Сицилии.

– Да, я помню Фабия Кантона...

– Они убежали в Египет, но их поймали и вернули на Сицилию. Однако наместник оказался настолько глуп, что решил отвезти их в Рим и судить.

– Это из-за её родственников. Он не мог судить их сам на Сицилии. Ему бы не простили.

– Наверное. Суд должен был состояться через месяц после ухода армии Красса. Но когда за ним пришли, было уже поздно. Суд был не нужен. Бедняга был при смерти. У него было

жёлтое лицо, такое всё страшное, опухшее, как будто в голову налили целую амфору оливкового масла.

– Не может быть, – нахмурился Лаций, представляя себе Оги Торчая в таком виде. – Он, что, сильно болел?

– Не думаю. Ты знаешь, что он сказал мне перед смертью? Что благодарит Лация Корнелия Сципиона и будет ждать его в городе, где умер самый страшный враг Рима.

– Что?! – Лаций от изумления откинулся назад. – Как он мог это тебе сказать?

– Не знаю, почему, но за несколько дней до его смерти ко мне пришли два эдила и цензор. Они сказали, что Оги Торчай хочет поговорить именно со мной.

– Не может быть!

– Да, так. Так вот, он передал мне эти слова. Он сказал, что ты меня любишь и что он знает обо мне всё. Ещё он добавил, что обязан тебе жизнью. И зачем-то попросил передать, что Оги Торчай будет ждать тебя в городе, где умер самый страшный враг Рима. Кто это? Я точно знаю, что этот человек умер. Как он может ждать тебя в каком-то городе? Ты можешь объяснить?

– Ганнибал... – задумчиво произнёс Лаций. – Слушай, а у него был на лбу шрам? – неожиданно спросил он.

– Шрам? – Эмилия на мгновение замолчала, но потом отрицательно покачала головой. – Нет. Точно нет. Он был лысый. Эдилы сказали, что у него от темноты и болезни выпали все волосы. Сами они боялись к нему приближаться. Говорили, что у него заразная болезнь. Но он сказал, что у него болит бок и эта болезнь не заразная. Ещё он сказал, что я буду с тобой счастлива.

– Правда? А что с Виргинией? – Лаций постепенно начинал догадываться, что произошло на самом деле.

– С женой наместника? Она умерла от прокола пузыря.

– Умерла?

– Да. Она была беременна от Оги Торчая и хотела избавиться от ненужного плода. Я слышала, что так посоветовал ей поступить сам Помпей. Он обещал помочь на суде, даже дал денег. Помпей собирался подкупить судей, чтобы освободить её, но Оги Торчая, как изменника, надо было казнить.

– Откуда ты всё это знаешь? Помпей рассказал?

– Нет, он бы не рискнул. Но если надо, я умею быть ласковой и со слугами, – добавила она.

– Виргинию убили?

– Не думаю. Она умерла сама. Плод не вышел, он остался в животе. Плёнку яйца прокололи, но он застрял, и она истекла кровью. Я видела её. Страшная смерть. Лицо всё чёрное, как родинка на щеке. Большая родинка, – Эмилия провела по ладони пальцем, показывая, каким было родимое пятно. – Не понимаю, как он полюбил такую уродливую женщину.

– Родинка? – вырвалось у Лация, и Эмилия с удивлением посмотрела на него, не понимая, почему он так волнуется. – Но у Виргинии не было родинок!

– Да? – теперь настала её очередь удивляться.

– О боги! Неужели... Старый добрый Сцинна, – расплылся в улыбке Лаций. – Теперь мне всё понятно. Это был он.

– Сцинна Торчай? Это был он?!

– Конечно, он! Он ведь давно болел. А умершая женщина – точно не Виргиния. У неё никогда не было родинок.

– Как же я сразу не догадалась! – воскликнула Эмилия. – Мне всё время казалось, что здесь что-то не так, но я никак не могла понять. Значит, его брат жив?

– Да. Скорей всего, он вместе с Виргинией уехал из Рима.

– В тот город, где умер Ганнибал? Это далеко?

– Да, в Вифинии, – задумчиво покачал головой он.

– Лаций, дорогой, любимый! – неожиданно с жаром произнесла Эмилия и обняла его за плечи. – Умоляю тебя, давай всё бросим и уедем туда вдвоём, прямо сейчас! Вифиния недалеко отсюда. Прошу тебя! Никто не будет знать, где мы. Но я не хочу тебя терять! Я никому не говорила этого, но сейчас моё сердце готово разорваться от боли, потому что... – она уже хотела раскрыть ему свою тайну, но, взглянув в глаза, осеклась. В них она увидела непримиримую решительность и суровость.

– Эмилия, я тоже никому не говорил таких слов. Я тоже хотел бы, чтобы ты стала матерью моих детей, несмотря ни на что! Не плачь, подожди... Ты сама знаешь, сколько великих римлян совершали поступки, из-за которых потом не могли жить спокойно. Я не хочу, чтобы надо мной смеялись. Я хочу быть победителем, и не хочу бояться вернуться в город, в котором вырос. Я не смогу жить на чужбине. И я люблю тебя. Ради тебя я готов покорить весь мир. Но без победы и денег я не смогу смотреть в глаза тебе и детям.

– Лаций, Лаций, что ты говоришь?.. – шептала Эмилия, не в силах успокоиться и чувствуя, что не может больше терпеть эту муку. – Прости. Я тебя понимаю. Но знай, я всегда буду ждать тебя.

Она встала, сложила ладони на животе и улыбнулась в последний раз. Потом развернулась и, ничего не говоря, вышла из беседки. Он ещё некоторое время сидел на краю лавки, потом встал и направился к воротам. Эмилия стояла на портике за колонной и смотрела ему вслед, глядя живот и не замечая, что слёзы продолжают катиться по щекам.

– Ты не хочешь пройти в дом? – раздался за спиной голос новой рабыни. Эмилия ничего не ответила, только отрицательно покачала головой. – Хочешь воды? – девушка протянула ей неглубокую чашу. Эмилия взяла её, но пить не стала. Рабыня вздохнула. – Твой мужчина убивает тебя, госпожа, – кротко произнесла она. – Он делает тебе больно.

– Да, – тихо согласилась она. – Ты – права. Но эта боль почему-то приятна... Как сладкий яд. Понимаешь, что гибнешь, но остановиться не можешь. И хочется пить ещё и ещё, – она замолчала. Рабыня, не зная, что ответить, стояла рядом и чувствовала, что после этой встречи с красивым мужчиной её госпожа резко изменилась и теперь уже вряд ли будет такой, как прежде.

ГЛАВА ВОЛООКАЯ ЕГИПЕТСКАЯ РАБЫНЯ С КОЖЕЙ ФИНИКОВОГО ЦВЕТА

Путешественники и сенаторы уехали. Вместе с ними уехала и частичка родного Рима. Никто больше не рассказывал о знакомых местах, не шутил об известных патрициях и их жёнах, не рассказывал последние новости и не возмущался глупостью магистратов. Холодный ветер с востока дул, не переставая, целую неделю, и Лаций впервые в жизни почувствовал, что ему стало одиноко и скучно. Даже оружие не радовало его. Хазор сделал действительно отличный меч, а ножи были, как стрелы, – тонкие и острые. Только почему-то цвет металла был чёрный. Старый кузнец сказал, что это цвет золы и крови чёрной змеи и беглого раба, в которой он закалял лезвия. Для этого беглеца заставляли бегать по кругу до изнеможения, а потом делали надрезы на горле и руках, чтобы слить розовую кровь. Она закаляла железо лучше всего.

Лаций целый день рубил всё, что попадалось под руку, прошёлся по десятку чучел и столбов, разбил в щепки створку ворот лагеря, показывая Варгонту, какие у него ножи, потом обсуждал с Атиллой новый шлем, но уже через день ему снова стало скучно. Что-то было не так, и он не хотел признаваться, что дело было в Эмилии. Сердце ныло и страдало, а занять себя было нечем. Ехать к кузнецу за шлемом не хотелось, потому что всё там напоминало, что они были в кузнице вдвоём. Поэтому Лаций ждал, пока Хазор сам пришлёт гонца. Так прошли две недели.

Однажды на рассвете он проснулся полный решимости закончить дело со шлемом и после бритья отправился в город. Слуг и ликторов брать с собой не хотелось – они обычно только мешали и привлекали много внимания. Несмотря на прохладные ночи, днём было уже довольно жарко. Дорога до города заняла полдня. Подъехав к кузнице, Лаций какое-то время постоял на углу, вспоминая о том, как они выносили жену старика, и вдруг ему стало плохо: голова закружилась и к горлу подкатила тошнота. Он решил вернуться в лагерь, не встречаясь с Хазором. Развернув лошадь, Лаций проехал несколько улиц и, доехав почти до самых городских ворот, почувствовал, что сейчас его стошнит. Накануне поздно вечером Атилла и Икадион притащили откуда-то мёртвого барана, зажарили несколько кусков и пригласили его присоединиться к трапезе. Видимо, мясо было плохим, потому что от одной мысли о еде Лация сразу же скрючило пополам, и, как только ноги коснулись земли, угощение друзей тотчас покинуло его желудок. Когда всё закончилось, он хотел встать, чтобы найти воду и умыться, но мир вдруг перевернулся, и Лаций без сознания упал под ноги коню, прямо спиной в пыль. Он не видел, как выбежавшие из дома люди какое-то время спорили между собой, что с ним делать, но потом быстро подхватили под руки и занесли внутрь. Так он оказался в доме небогатого купца-сирийца, где повстречал там странную рабыню-египтянку, которая на какое-то время отвлекла его от мыслей об Эмилии. Но только на время...

Служанку с кожей цвета спелого финика звали Тхао. Её руки, шея и лицо, казалось, были политы тёмным оливковым маслом, поэтому глаза выглядели большими и невероятно красивыми. Тонкие, ровные губы никогда не покидала лёгкая улыбка, как будто она была рада любому человеку, с которым разговаривала, при этом Лаций видел в её взгляде искреннюю заботу и внимание. Тхао помогла ему прийти в себя и ухаживала весь вечер. После этого он провёл в доме купца ещё пару дней. Рабыня разговаривала с ним на греческом языке, хотя немного понимала и римский. По вечерам они вели беседы о Риме и Египте. Оправившись, Лаций предложил хозяину продать Тхао за десять серебряных монет и ещё сдать ему комнату для проживания. Комната была не нужна, но он хотел таким образом отблагодарить хозяина за оказанную помощь. Тот охотно согласился. Цена была слишком хорошая. Лаций предусмот-

рительно никому не сказал об этом, но по благодарным глазам Тхао понял, что сделал это не зря.

Три месяца вынужденного безделья в зимнем лагере приятней было проводить с египетской рабыней, чем с ликторами в палатке. Теперь он меньше бывал в легионе, переложив заботу о подготовке пехотинцев на Варгонта Рукумона и Атиллу Крония, которых Красс к этому времени уже повысил в звании, назначив трибунами легиона. Кроний в тот день чуть не умер от счастья, но Варгонт спас его, не дав тому в одиночку выпить все запасы вина из обоза Мария.

Красс не заставлял свою армию готовиться к предстоящим битвам и почти всё время проводил в поисках сокровищ в тех городах и храмах, которые оказались в его ведении как наместника, устанавливал там новые правила сбора пошлин с кораблей и обкладывал новыми налогами купцов. При этом он сам следил за сбором этих податей, чем удивлял даже своего сына Публия. С Лацием консул почти не общался, заявляя на советах, что на таких легатов, как он и Октавий, можно полагаться без слов. Но Марк Красс всегда был непредсказуемым человеком...

Вынужденное бездействие высвободило у Лация достаточно времени, чтобы проводить его вместе с Тхао. Она знала так много интересного, что он удивлялся, как и когда эта юная рабыня успела всё это узнать и запомнить. Оказалось, что родом она происходила из семьи слугителей храма в Мемфисе, но о родителях почему-то вспоминать не любила. Лаций с удовольствием слушал её греческий, иногда поправляя и помогая найти нужные слова. Она только смеялась, но старалась всё запоминать. Если бы он только знал, что когда-то ему тоже придётся учить чужой язык, ничем не отличаясь от этой рабыни-египтянки!

В один из жарких дней наступившей весны они сидели под навесом и изнывали от жары, которая даже в тени заставляла людей и животных превращаться в бесформенные, растёкшиеся по пыльной земле туловища. Верблюды неподвижно лежали у стены с открытыми ртами, из которых торчали большие жёлтые зубы. Их глаза были плотно закрыты мохнатыми веками, и только вечерняя прохлада могла заставить их изменить положение тел.

– А у римлян есть кошки? – неожиданно спросила Тхао.

– Да, есть, – ответил Лаций. – А что?

– В Египте кошки – священное животное. Они ловить мышей и охранять еду на складах.

– Ловят, а не ловить!

– Хорошо, они ловят страшных змей, и люди жить спокойно. Их, как и людей, провожать в дальний путь, когда умирать. Тела кошек специальные люди готовят семьдесят дней, их надо пропитывать специальными травами. Эти травы должны сохранять тело долго. И моя семья была тоже с богиней Баст.

– Кто это? – спросил Лаций.

– Баст – богиня кошек. Она – женщина с головой кошки. Мой отец служил в храме Баст, когда я быть ещё маленькая. Я плохо помню, что было. Люди говорили, что в храме кто-то убил всех кошек. Мой отец быть хранитель этих священных животных. Все люди в городе тогда выбрили себе брови от горя. Это было ужасно. Обычно такое происходит в одной семье, когда там умирает кошка – и люди брить брови. Но тогда было плохо всем людям. Это была большая беда для всех жителей в городе.

– Да, я тоже помню очень странную историю. Мне рассказывал её один друг, Марк Серпипий Румий. Ну да ты его не знаешь. Он был в Египте семь лет назад. Там римский возница случайно переехал кошку, и, представляешь, какой-то египетский солдат убил его на месте. Это невероятно – убить римского гражданина! Из-за какой-то кошки! – Лаций вспомнил эту историю, но, судя по лицу Тхао, сочувствия у неё не вызвал. – Ладно. Рассказывай, что же потом произошло? – спросил он. Темнокожая рабыня опустила глаза.

– Отца убили в храме. Как жертву Баст. А нас продали. С тех пор я здесь. Но я не жалеюсь. На всё есть воля великого Ра. Он есть наш свет, и он всё видеть на земле. Он дать жизнь

всему, и он править наша судьба. А ещё у нас есть священный глаз бога Гора. У меня на руке есть. Смотри, – она показала ему плечо. На тёмной коже красовался небольшой чёрный глаз. – Мы носим на шее круглые камни с глазом, которые оберегать нас, потому что они похожи на глаз Гора. У меня здесь тоже такой, – Тхао показала ему ожерелье, и Лаций увидел, что один из шариков действительно был голубоватого цвета и напоминал человеческий глаз. – Ты можешь сделать себе такой на плече, – Тхао показала Лацию на свою татуировку.

– Нет, спасибо, – поблагодарил он. – У меня – свой. Мои боги берегут меня по-другому.

– У тебя чёрный амулет. На шее. Очень странный. Я такой никогда не видела.

– Да, он очень старый. Из далёкой страны. Но для тебя это неважно. Что ты там говорила про бога с глазом?

– Это – не бог, это – глаз бога, – поправила его Тхао.

– Какая разница? Наши боги дружат. Вот, видишь, даже тебя послали мне, – он улыбнулся и потрепал её по голове. Тхао опустила взгляд и замолчала. Этот римлянин нравился ей всё больше и больше. Но даже ночью, когда она жалась к нему всем телом, он думал о другой. Она это чувствовала и во всём винила странный амулет с завитушками. Это он мешал ей. И она мечтала, чтобы Лаций снял его хоть на одну ночь! Тогда Тхао смогла бы покорить его сердце навсегда.

Она рассказывала ему много легенд своего народа, и вместе с ней Лаций уносился в древние страны, удивляясь совпадению её историй с преданиями римлян. Через несколько месяцев, когда Красс неожиданно решил начать подготовку к походу против парфян, Тхао заболела, и Лацию пришлось продать её почти за бесценок жившему в соседнем доме купцу Талакубу. Однако он был уверен, что, заплатив деньги, расчётливый торговец не бросит девушку и будет о ней заботиться. Для таких людей всегда было важно, чтобы деньги не пропали даром. Как показало будущее, в этом Лаций оказался полностью прав.

ГЛАВА ЗЛОВЕЩИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ СТАРОЙ ГАДАЛКИ МАРКИЛИИ

Ещё задолго до своей болезни Тхао не раз уговаривала Лация зайти к одной старой гадалке на рыбном рынке, чтобы узнать свою судьбу. Однако он не верил в предсказания этих восточных Фурий и в душе посмеивался над ними. Его оберегали Марс и Аврора, поэтому он прислушивался только к их знамениям. Но Тхао была так настойчива, что однажды он согласился. Что может быть страшного в этой гадалке? Какая разница, гадалка на рынке или жрец в храме Изиды, Афины или другом месте? Лаций не раз слышал их непонятные завывания в храмах палестинских и финикийских городов и открыто посмеивался над ними. Однако времени было много, и он согласился. И ещё ему не хотелось видеть расстроенное лицо Тхао.

Наступившая весна раскрасила виноградники и редкие кусты ярким зелёным цветом, после чего их листья стало нещадно палить солнце. Лацию казалось, что весна от лета здесь почти не отличается. Только вода в море была весной холоднее, а летом – теплее. И ещё летом было больше караванов с верблюдами, которые, качая изогнутыми шеями, медленно тянулись по дороге в направлении берега и обратно, всегда навьюченные мешками и всегда безразлично спокойные.

Лаций и Тхао вышли из дома ближе к вечеру, когда зной немного спал и можно было спокойно дышать. В центре города, сразу за рынком, они свернули на узкую улочку, в конце которой виднелась толпа мужчин. Гони громко что-то обсуждали, наблюдая за боями скорпионов, и делали ставки. Лаций попросил Тхао ненадолго остановиться. Здесь собрались непохожие друг на друга люди, одетые в разные одежды, высокие и низкие, толстые и худые, говорящие на разных гортанных языках, но тем не менее понимающие друг друга, потому что всех их объединяло одно общее чувство – азарт. Сгрудившись вокруг небольшой площадки, зрители смотрели вниз, на землю, где была выкопана яма локоть глубиной и три локтя шириной. Именно там происходили основные события.

Обычно два конкурента договаривались о правилах с толстым судьёй, тот принимал от них монеты и после этого спорщики, развязав свои кожаные мешочки, аккуратно вытряхивали в яму скорпионов. Когда Лаций и Тхао приблизились к толпе, на них никто не обратил внимания. Держатель залогов поднял на мгновение взгляд, оценил их и сразу же забыл, переключившись на события в яме. Первым на дне оказался большой чёрный скорпион, которого, судя по выкрикам, все считали его победителем. Вторым туда попал его маленький собрат жёлтого цвета, который казался безобидным и не таким грозным, как его противник. Он был в два раза меньше чёрного и вёл себя так, как будто совсем не собирался сражаться.

Наконец большой скорпион выдвинулся вперёд, держа над собой изогнутый, как лук, хвост. Он стал угрожающе помахивать им над головой и один раз почти коснулся жёлтого малыша. Но тот даже не пошевелился. Наконец, чёрный гигант подполз на такое непочтительно близкое расстояние, что почти упёрся головой в своего неказистого соперника. Зрители почувствовали близость развязки и замолчали. Никто не хотел пропустить этот захватывающий момент. Сгрудившись над ямой, они, затаив дыхание, смотрели на чёрного великана, который уже отвёл хвост назад, готовясь нанести смертельный удар. Лаций стоял на носочках, вытянувшись вперёд как можно дальше, и не спускал глаз с двух противников. В тот момент, когда чёрный скорпион собрался рвануться вперёд, его жёлтый соперник опередил его, выбросив вперёд свой маленький короткий хвост. Это произошло так быстро, что почти никто не заметил, куда попало жало. Лацию показалось, что удар пришёлся прямо в голову. Большой скорпион замер, его хвост, занесённый для страшного удара, на какое-то мгновение завис над телом, а потом медленно опустился на землю. Над толпой пронёсся вздох удивления и разочарования. Через

мгновение зрители взорвались криками и стали взбудоражено размахивать руками, тыча себя пальцами в лоб. Хозяин чёрного скорпиона никак не мог поверить в гибель своего любимца и осторожно переворачивал того короткой палочкой с одного бока на другой. Второй игрок, спрятав маленького победителя в кожаный мешок, с явным удовольствием получал выигрыш, смешно раздувая от удовольствия пухлые, потные щёки.

Лаций отошёл к Тхао и рассказал ей, как прошёл бой скорпионов. Та улыбнулась и сказала:

– Вот видишь, маленький иногда бывает сильнее большого, если уметь ждать.

– Не только ждать, – с горячностью подхватил Лаций, – тут видно, что он – опытный боец. Не первый раз дерётся.

– Но ты же его слабым не называть?

– Хм-м, – задумался Лаций. – Смотря, что называть слабостью. Он слабее, потому что меньше. Но сильнее, потому что опытнее и мудрее. Наверное, опыт – важнее. Значит, ты права, маленький скорпион был сильнее.

Она улыбнулась ему очаровательной улыбкой, и они продолжили путь в сторону небольших глиняных домиков. Тхао шла чуть впереди, слегка покачивая бёдрами и двигаясь так мягко, как будто плыла над землёй. Вскоре впереди показался ряд старых ветхих строений, похожих на лесные палатки, которые римляне обычно строили в лесу из хвороста и веток. Лаций и Тхао с трудом протиснулись в одно из таких жилищ, посреди которого сидела старая женщина неопределённого возраста. Ей могло быть шестьдесят, или восемьдесят, или даже сто лет, но понять это по количеству морщин или подслеповатому взгляду было невозможно. Лишь высохшая кожа на руках, сквозь которую выпирали чёрные нитки вен, говорила о её преклонном возрасте. Из-за большого количества намотанных на тело разноцветных тряпок старуха была похожа на большой неподвижный кувшин, из которого, как палки, торчали две полуголой руки и испещрённая морщинами голова в тёмной накидке. В растянутых мочках ушей болтались огромные серьги, а на руках до самых локтей висели многочисленные браслеты.

– Здравствуй, Маркилия, – поздоровалась Тхао. Женщина медленно повернула голову в её сторону, потом перевела взгляд на Лация и указала рукой напротив себя. Они сели. Всё это происходило в полной тишине. Тхао не шевелилась. Лаций улыбнулся и украдкой осмотрел убогое жилище. Если бы не яркое солнце снаружи, он не смог бы различить в сумраке этой маленькой постройки даже кончики своих пальцев. Старая гадалка пожевала беззубым ртом и стала монотонно и нудно бормотать какие-то бессвязные слова: «Бу-ба-бу-ба-бу-ба-бу». Лацию это не мешало. Он закончил осмотр мешков под крышей, которые, скорее всего, были набиты травами и цветами, потом перевёл взгляд на чёрный котёл в углу и полу потухший костёр. От него, огибая котёл, к потолку тянулась струйка дыма, тоненькая, как нитка овечьей шерсти, и это показалось ему забавным. Он улыбнулся и провёл рукой над котлом. Дым не рассеялся, а просто прервался, как будто его аккуратно вырезали в этом месте острым ножом. В ноздри ударил сладкий запах. Старуха подбросила в кипящую воду немного пыли из мешочка. Её ритмичный голос, тем временем, продолжал бубнить те же самые непонятные слова, как глухой бубен на соседней улице. Она отщипывала от лежащих рядом пучков сухие травинки и не спеша бросала их в дымящиеся угли. В дурмане тлеющих трав Лаций вдруг заметил, что все предметы стали плавно двигаться по кругу. Это было удивительно, но страха не вызывало. Ему стало спокойно. Тело расслабилось. Губы сами расплылись в глупой улыбке. Завораживающий голос гадалки проник вглубь головы, и её размеренное «Бу-ба-бу-ба» раздавалось уже там, внутри него... Однако теперь она говорила вполне понятно! До конца своих дней Лаций так и не мог понять, как это произошло – он действительно понимал всё, что она говорила. Потом Тхао сказала, что это был язык египтян. Однако эта тайна так и осталась для него неразгаданной.

– Солнце будет жарким, – старая Маркилия перестала раскачиваться и уставилась немигающим взглядом ему в глаза. Лаций замер, с трудом понимая, что слышит её слова, но ничего не видит. Гадалка наклонилась вперёд, её серьги и браслеты тихо звякнули и стихли. Она повторила: – Солнце будет очень жарким! Оно будет расти и расти, пока не заполнит всё небо. И тогда больше не будет силы, равной ему! И ничто не сравнится с ним! Каждый луч будет стрелой, каждая песчинка – огненным шаром. Они будут жечь тебя, как огонь. Этот день будет последним для тебя. Слепой поводырь протянет тебе свой посох. Ты пойдёшь за ним прямо в бездну. Вы рухнете туда с высокого утёса. Все остальные дни ты проведёшь в другом мире – чёрном и чужом. Ты забудешь себя. Пустыня станет морем. Ты должен будешь переправиться через него сам. В холодный, очень холодный мир. Там люди замерзают от лёгкого дуновения ветра и потом стоят на земле, как статуи в храме. Там будут ворота в тёмный мир. Ты сможешь... Если найдёшь другую силу... – старуха на минуту замолкла. Лаций пошевелил языком. Он был, как деревянный.

– Какую силу? – всё-таки выдавил он из себя. – Сильнее Марса и Юпитера?..

– Да, сильнее. Я вижу женщину. Но не вижу её лица. Она привела тебя сюда. Она дала тебе медальон. Три круга огня, воды и земли защищают тебя. В них – сила и власть. Медальон хранит тайну золота. Много золота. И крови. Всё золото полито кровью. Но его не найти. Золото охраняет медальон и злой дух. За твоей спиной я вижу что-то огромное и чёрное. Это – глаза. Да, большие чёрные глаза. В них страшная сила. И она постоянно сопровождает тебя. Это – глаза женщины. Очень сильной. Она не отпускает тебя. Ей подвластны прошлое и будущее. Она охраняет тебя. Даже от твоих богов. Её любовь сильнее. У тебя на груди её часть. Я слышу, как она шепчет своё имя, но не слышу... Ла... ла... ла-ра-та... ла-ри-та... ла-ра-ни-та, – бормотала гадалка.

– Ларнита, – одними губами прошептал Лаций.

– Ларнита, да! – вздрогнула старуха. Она откинулась назад и покачала головой. – Она сейчас здесь. Рядом. Я чувствую её. Ты – настоящий воин. Не ищи золото... ищи сражение, – Маркилия ещё долго что-то бормотала о судьбе и врагах, но её слова уже не доходили до его сознания и рассыпались на пустые и бессмысленные звуки. Глупо улыбаясь, Лаций, не думая, повторял их, как ребёнок. Он не помнил, как вернулся в дом купца. Там его сразу же уложили на широкую лавку, где он проспал до самого рассвета. Утром, когда к дому подъехали ликторы и сообщили, что надо срочно приехать в лагерь, он с трудом встал с глиняной кровати, и долго не мог прийти в себя.

В лагере Гай Кассий недовольно пробурчал, что безделье развращает даже таких воинов, как Лаций Корнелий, но он ничего ему не ответил, потому что чувствовал себя очень слабым. До самого вечера Лаций пил только холодную воду, не в силах смотреть на что-нибудь другое. После полудня на военном совете Марк Красс сказал, что они выступают на юг. Чуть позже Квестор Гай Кассий и легат Гай Октавий рассказали Лацию, что старика воодушевили слухи о казне царя Парфии и его несметных сокровищах в других городах, но Лаций их почти не слушал. Он понимал, что разлука неизбежна и теперь у него остаётся совсем мало времени, чтобы попрощаться с Тхао.

ГЛАВА ТАНЕЦ КРАСАВИЦЫ

Когда он вошёл в комнату, Тхао сидела на полу и смотрела перед собой невидящим взглядом. По стене уныло полз чёрный жук. В комнате было тихо и веяло грустью. Лаций проводил насекомое взглядом и сел рядом с Тхао.

– Кто такая Ларнита? – без приветствия спросила она.

– Ларнита? – переспросил он. – Где ты слышала это имя? – Лаций не был готов к такому вопросу. Настроение испортилось ещё больше.

– У Маркилии, – пристально глядя ему в глаза, прошептала Тхао. – Ты не помнишь? Это быть твоя женщина в Риме?

– Нет, нет, что ты! Не в Риме! Это было давно. И далеко отсюда. Она умерла, – Лаций вздохнул и положил ей руку на голову. – Не думай об этом. Её сожгли на костре, – он замолчал на мгновение, но тут снова вспомнил о гадалке. – Подожди, а что ещё сказала эта... как её? Маркилия? Ничего не помню. После её трав в голове как туман.

Тхао задумчиво посмотрела на него и, копируя голос старой прорицательницы, произнесла:

– Твоя женщина будет охранять тебя всегда и везде. Кто она? Расскажи мне.

– Её нет. Зачем?... Это было давно. Не надо. Мне бы не хотелось сейчас вспоминать об этом.

– Она была красивая? – Тхао положила голову ему на колени. Лаций сидел, бессильно опустив руки вдоль туловища, и чувствовал, что снова начинает вспоминать Ларниту, её лицо, руки, голос и танцы.

– Я не помню её. Только так, чуть-чуть. Она очень красиво танцевала, – пробормотал он. Услышав это, Тхао встрепенулась, вскинула вверх длинные ресницы, прикрывавшие полные бездонной любви глаза, и, приложив руки к груди, горячо заговорила:

– Я тоже умею танцевать. Хочешь, я буду танцевать? Я ещё никогда не танцевала для тебя. Смотри, смотри, как я буду танцевать сейчас, – с этими словами она подскочила и метнулась в угол. Там из кучи вещей она достала маленький круглый бубен со звенящими монетами. Повернувшись к Лацию и разведя руки в стороны, Тхао стала переступать с ноги на ногу, двигаясь в такт лёгкому звону этого неприхотливого инструмента. Лаций смотрел на неё и невольно сравнивал с Ларнитой, чей образ стал теперь чётче прорисовываться сквозь пелену давно забытых дней.

Тхао танцевала плавно и мелодично: её движения поначалу казались одинаковыми и похожими друг на друга. Два шага в одну сторону и вращение кистями, затем то же самое – в другую. Гибкие тёмные руки извивались, как змеи, переплетаясь то в локтях, то в кистях, обвивая плечи, бёдра, колени и снова вытягиваясь в ровную линию. Это был бесконечный танец кошачьей гибкости и женского изящества, доведённый почти до совершенства. Тхао танцевала, не сходя с места. Ей достаточно было небольшой площадки в два-три шага. Извиваясь стройным, гибким телом, она искренне радовалась своей красоте и молодости. У неё была очень узкая талия, поэтому бёдра выглядели широкими и округлыми. Лацию казалось, что в танце они двигаются отдельно от рук и головы. Ровные ноги не носили отпечатка тяжёлых работ, и на них не было видно ни мышц, ни вен, как будто Венера, как скульптор, благодарно провела по ним рукой, создав само совершенство. Они напоминали два тонких кувшина для масла, которые венчали высокие упругие ягодицы. Тхао была молода и красива. Её разгорячённое тело покрылось капельками пота, и от него исходил нежный аромат персикового масла, который Лаций очень любил.

– Хватит, хватит, – тихо произнёс он и махнул рукой. Она нравилась ему, но в груди не было того огня, страсти и ревности, которые вызывала Эмилия. Хотя та никогда не тан-

цевала. – Ты – очень красивая. Садись! – Лаций похлопал рукой возле себя, но египтянка и не думала останавливаться. Она увеличила темп и стала танцевать с поворотами и вращениями. Её глаза расширились и блестели, как два драгоценных камня. Тонкий нос с небольшой горбинкой вздрагивал при каждом вдохе, ноздри хищно раздувались, а губы улыбались завораживающей улыбкой, обнажая белоснежные зубы.

Ларнита была совсем другой. Он даже перестал дышать, вспомнив её танец. Как будто это было не с ним, а с кем-то другим, и теперь этот второй человек наблюдал за его прошлым со стороны. Дикая и необузданная, она говорила с людьми резко и отрывисто, даже немного надменно, потому что всегда была уверена в своей правоте и так же вела себя с теми, кого любила. Её тонкие, крепкие руки обладали невероятной силой, а тело напоминало молодой побег кипариса: ровные, мускулистые ноги, без плавных переходов у коленей, высокие бёдра, как у юноши, почти незаметная талия и острая, небольшая грудь с двумя маленькими гранатовыми зёрнышками посередине. Из украшений Ларнита носила только браслет и круглый чёрный медальон, который достался ей от матери. Других украшений у неё не было. На севере лето было коротким, поэтому и одежда на ней всегда была грубая и тёплая. Как у всех. Женщины там носили платья из козьей шерсти и шапки. Да, она умела танцевать. Однажды ему удалось увидеть её на плясках во время праздника весны и урожая. Это был незабываемый танец! Ларните были подвластны все движения. Она сама была движение. Лаций был уверен, что Ларнита легко смогла бы повторить всё, что делала Тхао. На том празднике она двигалась резко и отрывисто, слушая равномерный звук барабанов, отбивающих ровный ритм с постепенно увеличивающейся скоростью. Замирая в какие-то ей одной известные мгновения, она усиливала этими паузами впечатление от своей летящей над поляной фигуры. Неподпоясанное платье скрывало очертания её тела, превращая Ларниту то в птицу, то в ветер, и она грозовой тучей носилась от одной группы пританцовывавших по кругу женщин к другой, с постоянно мечущимися между небом и землёй руками. Особенно поражали движения её кистей – неожиданно резкие и хищные, как острые когти на крыльях парящих рук. От этих танцев веяло древними обычаями и глубокой стариной, и хотя все движения поражали своей необычностью, всё же они были для него чужими.

Однажды Ларнита танцевала при свете луны. Одна. Только для него. Это было на берегу реки. Правда, тогда это был совсем другой танец. Она сбросила с себя толстую накидку и бегала под серебряным светом луны обнажённой, посвящая красоту своего тела могучим силам ночной природы. Ночь Ларнита любила больше, чем день, потому что все спали и не мешали ей. В ту ночь Лаций не мог оторвать от неё глаз. Она околдовала его. Её танец был полон силы и женского первородного могущества. Стройные, мускулистые ноги вытягивались в длинных прыжках, напоминая хищных животных, которые во время погони за жертвой вытягиваются во всю длину своего тела, и это выглядит так напряжённо и мощно, так красиво и грациозно, что от них просто невозможно оторвать взгляд. В танце Ларниты он видел то тигра, то прыгающего через ручей оленя, то летящего вниз со сложенными крыльями сокола, спешащего не упустить замеченную внизу добычу.

И ещё от Ларниты всегда пахло свежими полевыми цветами, старой шерстью и душистыми травами, которыми был забит дом её матери. Когда она подошла тогда к нему после танца, то была такая же мокрая, как и Тхао сейчас. Но взгляд Ларниты никогда не страдал болью неразделённой любви. Он всегда пылал страстью. Он покорял и доставался только равному. Да, спустя столько лет, Лаций был вынужден признать себе, что Ларнита была сильнее его. Она любила его больше, чем он её. Она была сильнее в чём-то неведомом, чего он не понимал, но принимал и хотел понять. Однако, к сожалению, не успел... Страсть дикарки завораживала его и уносила прочь, поднимая над землёй на тысячи миль, а потом неожиданно бросала вниз, как с высокой горы, чтобы погрузить в пучины неземного блаженства и счастья. Её любовь заставляла его возвращаться к ней вновь и вновь. И он ничего не мог с собой поде-

лать. Это было сильное, животное чувство, сжимавшее его сердце крепкой хваткой страсти, лишавшее разума и воли от одного только взгляда или вздоха. Они любили друг друга, как дикие звери. И теперь он понимал, что такая любовь не могла продолжаться вечно.

Лаций вздохнул и закрыл глаза. Тхао с благодарностью прижалась к его руке и что-то тихо прошептала. Её природная ласка отвлекла его от неприятных воспоминаний, и через некоторое время в памяти остался лишь едва заметный след грусти. Он посмотрел в глубокие чёрные глаза Тхао и провалился в них, как в пропасть, не думая о прошлом и будущем, стараясь забыть обо всём и раствориться только в настоящем. Тхао была красивая и страстная девушка, но Лаций понимал, что скорее жалеет её, чем любит. Она тоже чувствовала это, и отчаяние мучило её ещё сильнее. Чтобы не думать об этом, Тхао старалась затушить свою боль обильными любовными ласками.

В небольшом окне виднелся кусочек неба. Оно тоже было чёрным, как и вся комната. Лёгкая дымка висела в воздухе ещё с вечера, и с наступлением ночи она полностью скрыла на небе все звёзды. Было уже далеко за полночь. Юная красавица тихо спала у него на груди, прижавшись щекой к круглому чёрному амулету, а Лаций гладил её по голове и смотрел в небо. Он думал о том, что где-то там, вдалеке, за ними сейчас наблюдает Ларнита.

ГЛАВА ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ С ТХАО

В тот день они почти не разговаривали. Тхао плохо себя чувствовала и говорила, что могла бы остаться с ним, если бы он взял её с собой в поход. Она знала, что в лагере римлян многие богатые всадники и даже легаты держали рабынь. Но Лаций только качал головой и вздыхал. Он не мог этого сделать. И, понимая это, она всё равно просилась.

Купец Талакуб, которому Лаций продал Тхао, обещал не тревожить её несколько дней, чтобы дать выздороветь. Тхао жалась к Лацию, как тень, и всё время плакала. Он молчал и просто гладил её по голове. И это ещё сильнее отдаляло его от несчастной рабыни. Если мысль об Эмилии заставляла сердце Лация бешено биться, то о расставании с Тхао он думал с тихой грустью, замечая, что в душе уже давно попрощался с ней и теперь его мысли всё чаще и чаще возвращаются к предстоящему походу. В конце она протянула ему мешочек с травяными шариками. На немой вопрос и удивлённо поднятые брови Тхао тихо ответила:

– Это хорошо. Это от жары и солнца. Это трава большой реки. Запивай водой. Это, чтобы ты не терять глаза и мысли, когда жара. Жаль, я тебя больше не увижу, – слёзы снова потекли по её красивым щекам. Как приятно было слышать тихий шёпот её пухлых губ! Лаций чувствовал, что нужен этой юной красавице, но не мог ответить ей взаимностью.

– Привязанность к женщине может превратить меня самого в женщину, – попытался отшутиться он, с трудом улыбнувшись.

– Ты всегда быть воином там, куда идти. Ты был воином раньше. И ещё... ты не любишь меня. Но ты будь осторожен в пустыне. Там плохо. Я знаю пустыню. Я живу в пустыне. Пустыня тебя может забрать навсегда, – в её глазах была какая-то странная решимость, но Лаций считал, что это – следствие болезни.

– Да, ты тоже пустыня. И ты уже забрала меня, – ещё раз улыбнулся он, стараясь сделать ей приятно.

– Неправда! Ты – римлянин. Ты хочешь победы и славы. Но пустыня хочет только убивать людей. Ты не умеешь ходить в пустыне. Ходи возле воды, ходи возле реки, спи у воды. Вы, римляне, большие, в теле – много воды. Можете быстро умереть без воды. Не ходи далеко в пустыню. Прошу тебя!

Она говорила ещё много разных вещей, которые потом не раз всплывали в его памяти, поражая своей правдивостью, но в тот момент думать об этом не хотелось. Воистину, Цицерон был прав, когда обвинял одного ловкого купца в мошенничестве, говоря, что маленькая царапина на подбородке, оставленная неумелым брадобреем, волнует того больше, чем гибель тысяч людей. Эти слова Лаций услышал на Форуме, где знаменитый оратор выступал против хитрого Тацита, скупившего плодородные земли бедняков за бесценок, распустив перед этим слух, что скоро их заберёт Сенат. В тот момент, когда Цицерон произносил свою речь, Лация больше волновала заноза в пальце, чем эти обвинения. Однако он успел услышать слова Цицерона и понять их смысл. Совпадение мыслей купца о царапине и его – о занозе произвело на Лация такое сильное впечатление, что он запомнил это на всю жизнь. Теперь его тоже больше волновал предстоящий переход на юг, чем любовь несчастной рабыни. И в этом тоже заключалась жестокая правда жизни.

Он достал из-под широкого нагрудного панциря большую пряжку для ремня и сунул ей в руку. Она была сделана из золота в виде сердца. Её подарил ему сын Красса после посещения одного из храмов в Иудее.

– Возьми, пусть напоминает обо мне. Если будет трудно, продай и не жалея! Половину хватит, чтобы купить тебе свободу, – он хотел ещё сказать, что обязательно вернётся, что просто у него пока нет времени, что боги будут благосклонны к нему, но не стал этого делать. Что-

то подсказывало Лацию, что эти слова прозвучат грубо и неискренне. Впереди было полное опасностей будущее, а оно всегда манило его больше, чем самое приятное настоящее.

– Зачем? Без тебя мне свобода не нужна. Мне нужен ты... – прошептала она. – Здесь – слова...

– Это – моё имя. Видишь, Лаций Корнелий Сципион...

– О, нет! Тогда я спрячу её в этом столе. Там её никто не найдёт, – она показала на стоявший в углу дорогой стол из сандалового дерева. Несколько штук заказали себе Цицерон и Катон, но помимо красоты дерева и резных ножек, они ценились тем, что под крышкой имели второе дно, куда можно было прятать папирусы или что-нибудь важное. Стол для Катона уже отправили, а для Цицерона – не успели. Теперь тот должен был ждать возвращения Красса из похода на юг и потом уже отправиться в Рим. Скорей всего, вместе с новыми трофеями и богатствами.

– Ладно, ладно, – усмехнулся Лаций. – Только смотри, чтобы она не уехала вместе со столом! – он прижал её голову к груди и нежно погладил. Пора было уходить. Больше он ничего не мог сказать, а придумывать ненужные слова не хотелось.

ГЛАВА НОВОЕ РЕШЕНИЕ МАРКА КРАССА

Наступившая в Азии жара была непривычна для римлян, особенно ранней весной, хотя многие воины были здесь ещё с Помпеем. Отсутствие дисциплины привело к скоплению отходов и появлению вокруг лагеря большого количества диких грызунов. Воду привозили, но она часто была тухлой. Её пили и лошади, и люди. Первыми стали болеть нищие и гетеры в соседнем «храме Приапа». За неделю умерли более двадцати человек. Остальные в панике разбежались, и там остались только самые бедные фокусники и попрошайки.

Марк Красс собрал легатов на совет и сразу начал с этой проблемы. Он был очень опытный человек и повидал немало трудностей. Поэтому болезни в армии пугали его больше, чем наступление врага, потому что сражаться с ними было намного тяжелей.

– Всё, надо покончить с этой клоакой разврата! – резко произнёс он. – У легата Антония уже есть больные. У кого ещё?

– У меня в легионе, – сказал Гай Октавий. – То же самое. У всех – желудки. Утром было пятнадцать человек.

– Я уже отправил посыльного в Зевгму. Они подготовят продукты к нашему приходу. Выступаем завтра. Всех больных оставить здесь, у коменданта города! С оружием и запасами разберёмся в Зевгме. Лаций Корнелий проведёт разведку до Евфрата. Оттуда пойдём на юг, к столице Парфии. Вдоль реки.

– Всё-таки на юг? – скептически спросил Гай Кассий. На его худом лице застыло выражение досады и раздражения.

– Да, на юг. Столица парфян, если ты не знаешь, находится там. Или у тебя есть другой план?

– Благодарю тебя, консул, что ты спрашиваешь меня, – постарался вежливо ответить Кассий. – В этой ситуации, наверное, надо понять, зачем мы идём в Парфию и, особенно, в её столицу. Нам важна цель.

– До меня дошли слухи, что парфяне жестоко нарушают мир и спокойствие народов, которые им подчиняются. Всю неделю ко мне приходят послания об убийствах в Осроене и Вавилонии. Но они также убивают людей и в самой Парфии, не давая даже своему народу свободно жить. Этим они нарушают условия договора с Римом.

– Прости, консул, но Осроена не римская провинция, а Вавилония принадлежит Парфии. Это парфянская территория, – возразил Кассий. – Парфяне ведь не нападают на Рим из-за того, что Цезарь захватил в Испании город Валенсию, а ты на Сицилии разбил восстание рабов?

– Рим не нарушает этим мирное соглашение с Парфией, а Парфия нарушает! – раскрасневшись, громко произнёс Красс. Никто не понял, в чём был смысл этой фразы, но он не дал прервать его и с горячностью продолжил: – Здесь я, как консул, имею право решать от имени народа Рима, какие законы нарушают эти варвары, а не ты, Гай Кассий! Ко мне обратились жители нескольких пограничных городов. Они просят о помощи. И мы не можем отказать им. Тебе понятно?

Гай Кассий пожал плечами.

– Прости, консул, но нельзя ли провести осмотр оружия и снаряжения сейчас, до выхода в Зевгму? – осторожно вмешался Лаций.

– Ну и зачем? Какая разница, где это делать? – недовольно повернулся к нему Красс. – Ты хочешь остаться здесь ещё на месяц и потратить из казны Кассия миллион сестерциев на новые мечи для твоих легионеров?

– Казна принадлежит армии, а не мне, – назидательно заметил квестор. Красс дёрнулся, чтобы ответить на эту дерзость, но Лаций не дал ему этого сделать.

– Консул, я считаю, что в портовом городе у нас больше возможностей восстановить недостающее снаряжение, чем в Зевгме, – сказал он. – Там живут одни купцы и мало ремесленников. Здесь же, у побережья, растёт больше деревьев, нам легче будет сделать новые повозки и остальное оборудование для лагеря.

Совет затянулся надолго, потому что даже легаты не понимали, зачем так спешить в Зевгму. Многие вопросы повторялись, и Кассий, отведя Лация в сторону, прошептал:

– Кажется, у нас начинаются проблемы. Старик совсем сошёл с ума. Сначала не хотел уходить из Сирии и Иудеи, а теперь хочет объявить войну! Мне кажется, что его обманули. Кто-то сказал, что в столице парфян едят из золотой посуды, потому что у них нет глины и дерева. И ещё эта казна царя! Думаю, ему сказали что-то ещё, и теперь мысли о золоте сводят его с ума.

– Надо поговорить с Публием. Может, он что-то знает. Но ведь нельзя так просто объявлять войну. Нельзя! – громким шёпотом произнёс Лаций. Они подошли к сыну Марка Красса. Но тот сам был очень удивлён решением отца и ничего не мог ответить на их вопросы. У его галльских всадников не хватало мешков для воды и накидок для лошадей, поэтому он тоже хотел остаться в Антиохии ещё на неделю. Но консул даже слушать не хотел.

На следующий день обоз и большая часть армии покинули лагерь, отправившись в Зевгму, богатый торговый город, с которого начиналась длинная дорога в Парфию, а оттуда – в Индию и Серес, страну шёлка.

ГЛАВА ПАРФЯНСКИЕ ПОСЛЫ В ЛАГЕРЕ РИМЛЯН

Не задерживаясь в Зевгме, армия Красса покинула город в мартовские иды и направилась к Ктесифону, новой столице Парфии. Какое-то время о парфянах не поступало никаких сведений, поэтому римлянам приходилось оставлять в городах небольшие гарнизоны и двигаться дальше, в поисках их армии. Они вступили на землю чужой страны, но, при этом, не объявили войну и не говорили об этом жителям тех городов, которые оказывались у них на пути. Однако в пустыне слухи разносятся быстро, и присутствие парфян ощущалось повсюду, хотя они и не спешили появляться на глаза. И очень скоро о движении римской армии на юг знали уже все.

Новость о приближении армии Марка Красса застала парфянского сатрапа⁷ Орода⁸ в столице, где он отдыхал, дожидаясь возвращения из Индии своего старшего сына Пакора. Высокие стены дворца уже давно утопали в лучах горячего солнца, но внутри веяло приятной прохладой. Угодливо ожидавший в дальнем углу главный евнух то и дело бросал осторожные взгляды в сторону большого ложа царя. Судя по усталому лицу господина, наложницы с утра не были не нужны. Накануне вечером они уже позабыли владыку, и тот остался ими очень доволен.

Сам Ород, обрюзгший и рано поседевший, с мешками под глазами от обильного потребления еды и вина, давно утратил прежнюю силу и ловкость, которые были присущи ему в юности. Он давно уже не садился на коня, не выезжал на охоту, и даже не ходил на большие расстояния, как раньше. От ночных развлечений и праздного времяпровождения его жизнь превратилась в плавную череду застолий и переездов из северной столицы в южную. Однако он ещё не потерял живость ума и осторожность, которые помогали ему быстро замечать изменения в жизни окружающих его слуг и приближённых. И особенно – в их настроении. Благодаря этому Ород всегда вовремя выяснял причину их радости или раздражения, приближая или отдаляя от себя нужных или неугодных вельмож.

Он сидел на краю своей большой кровати и лениво смотрел на склонившегося в поклоне раба. Тот держал в руках кувшин с водой и кусок ткани с красивой вышивкой. Широкая медная чаша уже стояла на полу недалеко от кровати. В последнее время у Орода стала часто появляться отрыжка, во рту возникала горечь и в горле жгло, как будто его обожгло горячим маслом. Особенно когда он ел много жирного мяса, как вчера. Однако на этот раз ему не подташнивало, как обычно это было с утра, и даже простыни на кровати были сухими. После настоя из трав, который он выпил накануне, сон его оказался крепок, как и уверял придворный лекарь. Он не вскакивал и страдал от частого мочеиспускания, а это было признаком спокойствия и хорошего настроения. Ороду больше нравилось просыпаться в сухой постели, нежели в мокрой. И в это утро настроение от этого стало намного лучше.

Неожиданно в другом конце зала возникло какое-то движение. Слуги еле слышно с кем-то разговаривали и не хотели пускаться. Человек был свой, они его явно знали, но, видимо, боялись, что тот потревожит его слишком рано.

– Эй, что там?! – не повышая голоса спросил он. Уши придворных слуг всегда были развёрнуты в сторону их господина, поэтому они могли услышать даже его шёпот. От стены отделилась тень, и послышался тихий вздох.

– Великий сатрап, там – гонец от Силлака. Говорит, что срочно. Хочет что-то сказать тебе. Лично. Но он – грязный.

⁷ Сатрапом в Средней Азии назывался царь.

⁸ Ород II – царь Парфии из династии Аршакидов. Правил с 57 до 38 гг. до н. э. Ород II пришёл к власти, убив своего отца Фраата III. Был женат на Лаодике, дочери правителя Коммагены Антиоха I Коммагеннского.

Ород обладал невероятной проницательностью и прекрасной интуицией, которые позволили ему в своё время почувствовать, что его стареющий отец, Фраат III, стал слишком тщедушным и слабовольным, однако расставаться с тронном совсем не спешил. Это его и погубило. Ород помог отцу без мук присоединиться к его почтенным предкам и стал править Парфией. На этот раз он снова почувствовал что-то неладное, и хорошее настроение сразу улетучилось.

– Быстро, сюда, – приказал он, и слуга резко махнул рукой ожидавшим его у входа стражникам. Те пропустили гонца в зал и остались у дверей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.